

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

АЛЕКСЕЙ ДОРНИН
ЛОГОВО

FUTURE CORP.

Алексей Алексеевич Доронин
Метро 2033: Логово
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26557977
Алексей Доронин. Метро 2033: Логово: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-982587-6

Аннотация

«Метро 2033» – Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Отрезанный от всего мира, на севере Московской области пытается выжить маленький поселок Мирный. Он обнесен стеной и состоит из модульных домов, герметичных и защищенных от

радиации. Вроде бы маленькой колонии в сто с лишним человек ничего не угрожает, кроме безнадёги и медленной деградации. Запасов должно хватить еще на десяток лет. Что делать дальше – никто не задумывается. Но внезапно люди начинают пропадать, просто уходя в никуда. Постепенно к жителям приходит понимание, что с этим местом и его окрестностями связана мрачная тайна, уходящая корнями в довоенное время. Но никто не представляет, насколько она ужасна.

Содержание

Знание – сила!	7
Пролог	10
Интерлюдия 1	21
Интерлюдия 2	26
Глава 1	36
Интерлюдия 3	56
Глава 2	60
Интерлюдия 4	77
Глава 3	81
Интерлюдия 5	90
Интерлюдия 6	108
Глава 4	111
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Алексей Доронин

Метро 2033: Логово

© Д. А. Глуховский, 2017

© А. А. Доронин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

«Вы держите в руках весьма необычную книгу. Ее автор тот самый Алексей Доронин, известный, думаю, каждому поклоннику «постапа». Это имя – гарантия, что все произойдет, несмотря на фантастичность жанра, строго реалистично и обязательно по науке. Мутации? современная генетика их объясняет и не доверять ей причин нет. Знание автором «матчасти» поражает и подкупает. Чудесам и небывальщине в книге явно не место. Кстати, о месте. Доронин написал жуткий и мрачный триллер, который сам метко обозначил как «герметичный». В нем нет особых странствий и дальних экспедиций. Но от этого зло, сконцентрированное вокруг и внутри маленького поселения, становится еще ужаснее. И

оно завораживает. Срочно читать».

Дмитрий Глуховский

Не вызывай того, кого не сможешь повергнуть.
Говард Филлипс Лавкрафт

Знание – сила!

Объяснительная записка

Вадима Чекунова

На заре своего писательского пути, как и все современные люди, вставшие на скользкую стезю сочинительства, я публиковал тексты на различных «литературных порталах». Довольно быстро обнаружилось, что на тех сайтах, где приняты взаимные хвалебные «поглаживания» и где у автора есть в руках кнопка от «черного списка», делать особо нечего. Скучно. Нужна была здоровая и нездоровая – главное, чтобы живая – критика. Тогда я перешел на так называемые контр-культурные сайты, на которых уж если найдут огрехи в твоём тексте, то много чего интересного узнаешь о себе. Ибо свобода слова там полная, а «переход на личности» – дело первоочередное и святое. Но я-то себя к тому времени считал уже если не маститым, так хотя бы писателем опытным. Чего мне бояться-то... Да, да. В первом же своем рассказе, в первой же фразе – где решил блеснуть технической подкованностью – я умудрился пневматическую систему электропоезда обозвать «гидравлической». Да еще красочно поведал про ее вздохи и пшикания. Благодарные читатели ахнули от восторга и почти полгода глумились надо мной, стоило мне лишь появиться на том сайте хотя бы в комментариях. Но

прав был немецкий мыслитель, говоря про то, отчего становятся сильнее. Критика меня не убила. Зато мое отношение к «матчасти» текста стало совершенно иным. Писать надо о чем знаешь, и знаешь хорошо.

В одном из своих эссе, посвященных литературному мастерству, весьма уважаемый мной писатель Чак Паланик выделил два основных метода воздействия на читателя: «метод сердца» и «метод разума». Первый предполагает эмоциональную вовлеченность, как очевидно из названия. Плюс предельную честность и бесстрашие. Писать о победах и удачах легко. Ты попробуй честно расскажи о своей неудаче – да так, чтобы читатель вдруг понял, что и у него есть история, и он тоже живой человек со своими печальми...

Второй метод создает писателю авторитетность. Но не на голом месте, а на знаниях, которыми он делится с читателем. При правильной подаче этот метод не менее убедителен, чем первый. А порой квалифицированность повествователя просто завораживает. «Среди моих любимых книг «III Nature» Джона Вильямса – она наполнена таким бременем ужасающей информации об уничтожении живой природы, что чтение становится наркотиком» – делится впечатлениями Паланик.

Когда я читал цикл «Черный день» Алексея Доронина, то вдруг обнаружил, что автор покоряет своей осведомленностью в мельчайших деталях грядущей катастрофы. И делает это он без зауми, без попыток задавить авторитетностью зна-

ющего человека. Поневоле отрываешься от текста, восклицаете в восхищении: «Черт! Вот оно как, оказывается!..» И лезете в Интернет смотреть биографию автора. Ведь хочется понять, откуда он все так хорошо знает.

Доронинское внимание к «матчасти» – давно уже известный бренд. И качество этого бренда способно говорить само за себя – в нашей Вселенной Метро (где, кстати, автор выступает впервые) роман «Логово» смело можно назвать одним из самых научно обоснованных. Но в нем важно и другое. Автор рискнул соединить оба метода, о которых упоминал мистер Паланик. И не прогадал. Героям сопереживаешь, как близким людям, а, казалось бы. Уже знакомая вдоль и поперек постапокалиптика предстает в новом свете. Пусть сумрачном и недобром, как и прежде, но важны нюансы. Этих нюансов в романе – не счесть. «Логово» – безумно интересный и познавательный текст.

Спасибо, что прочитали мою записку. Ваше терпение будет вознаграждено.

Читайте «Логово»!

Пролог

Шел морозящий дождь. Из тех, что могут идти целые сутки и не заканчиваться.

До города, где когда-то проживало больше десяти миллионов человек, вернее, до его внешней границы, оставалось километров двадцать. Железнодорожный переезд обозначал собой один из последних рубежей на пути к тому, что когда-то было столицей самой большой страны на Земле.

Этот переезд с двумя шлагбаумами и другими средствами автоматической блокировки стал ловушкой для многих тысяч людей – ничтожного количества по сравнению с числом тех, кто погиб в самой столице, в муравейниках из железобетона и кирпича, но тоже немало.

Никто уже не узнает, что именно здесь произошло и каким образом к ним пришла смерть. Так же как никто не расскажет, что произошло в городе. И в других городах, которые стояли теперь такими же молчаливыми памятниками – на этом континенте и на других.

То ли это была огненная вспышка в небе, то ли невидимый импульс, который вывел из строя диспетчерскую систему и электронику в поездах, то ли вовсе тектоническое движение земной коры подбросило вагоны над землей и заставило сойти с рельсов.

Как бы то ни было, когда это случилось, мимо переезда

проходили сразу два состава: один на запад, в Москву, другой на юго-восток, к Нижнему Новгороду.

Локомотив первого электропоезда – скоростного пассажирского – с обтекаемыми, как у пули, очертаниями, почти не смятый, ржавел теперь в поле, метрах в пятидесяти от линии. Он пропахал землю носом и застыл, утащив за собой перевернувшиеся по дороге вагоны. Некоторые из них были смяты как гармошка, другие почти целы. Там, где краска обгорела, ржавчина успела проесть железо почти насквозь. Логотип российских железных дорог был на них еще различим, хоть и с трудом.

Идущему в противоположную сторону товарному составу повезло еще меньше. Неведомая сила смела его с колеи и направила прямо на застывшие перед переездом автомобили. И он, пробив ограждение и смахнув, словно муху, будку регулировщика, стал тараном, проделавшим в потоке машин широкую брешь. Теперь земля там была покрыта обломками искореженного металла, в которых трудно хоть что-то опознать. Цистерны, платформы, крытые вагоны развернуло длинной змеей. Их сцепки так и не порвались, несмотря на страшный рывок. Некоторые из них раздавило в щепки, и теперь обезображенные остовы вагонов шерились острыми краями металла. Кое-где края лопнувших цистерн были оплавлены. Но все, что могло сгореть – уже давно сгорело, и теперь только почерневшая земля напоминала о катастрофе... одной из миллионов больших и малых, случившихся в

тот день летом 2013 года.

Машины на автотрассе – те, которые находились далеко и не пострадали от страшного удара, – стояли, как чередя призраков. Когда-то разноцветные, теперь они были однотонными: выцветшие и покрытые двадцатилетней корой из грязи. Но если присмотреться к этой веренице, можно было разглядеть, чем они были раньше.

Первой в ряду стояла ржавая «Нива», обычная, русская, без приставки «Шевроле-». Когда-то она была болотно-зеленого цвета, почти что камуфляжного. Возможно, не первой молодости, когда это случилось. Но годы запустения превратили ее в утиль, сравнив в этом состоянии и с более новыми, и с более дорогими автомобилями.

Машина была заперта, внутри пусто. В салоне – все просто и по-спартански функционально. Электронного навигатора не было, зато имелась карта-миллиметровка, на которую были нанесены дороги всех соседних регионов, даже те, которых не знал ни один навигатор. В багажнике – небольшой генератор, газовая плита и уже собранный рюкзак, начиненный всем, что нужно для двухнедельного похода. На заднем сиденье – гладкоствольное ружье в чехле, которое за двадцать лет так никто и не забрал. И еще много ценных вещей никому не приглянулись – вроде швейцарского ножа, сухого горячего, рыболовных снастей, мощного фонаря. Все это могло бы очень помочь кому-то. Но человеческая нога тут, похоже, не ступала уже давно.

Знал ли он, этот безымянный владелец? Вряд ли. Скорее просто накатило на него странное предчувствие, и человек взял внезапный отпуск на работе, ощутив острую потребность прогуляться по Брянским лесам. И лишь немного не успел.

Все двери были заперты изнутри, но лобовое стекло разбито. Возможно, это произошло сравнительно недавно, потому что за двадцать лет от внутренней отделки салона, даже такой дешевой, ничего бы не осталось из-за непогоды. На крыльях и на крыше виднелись странные отметины, будто металл царапали чем-то острым.

Следом за этой машиной примостилась ее противоположность – крохотная французская малолитражка. Когда-то она была нежно-сиреневого цвета. Теперь – просто серая с фиолетовыми крапинками. Она тоже была пуста и закрыта. Внутри набралось по щиколотку дождевой воды, и все сгнило. В воде плавал давно утративший свой глянец журнал. Лица моделей на страницах превратились в уродливые маски, похожие на лицо с картины Мунка «Крик». У рычага переключения передач застыл подключенный к зарядке телефон с треснувшим сенсорным экраном. Над приборной доской – собачка на присоске. Уже давно не розовая, а грязно-бурая, и головой не кивает – засорилась. Пудреница и помада вывалились из порванной сумочки и утонули в луже на полу.

И тоже разбитое стекло, и тоже странные царапины по всему корпусу, из-за которых прежнюю владелицу, вероят-

но, хватил бы удар.

Стоял тут и грязно-синий «универсал», осевший на обо-
дах сдвувшихся колес. Большой семейный автомобиль, чест-
ный трудяга производства Германии.

Тюки с одеждой, велосипед на крыше, на задних сиденьях
огромные сумки, от которых остались только обрывки. Кру-
гом пустые выцветшие упаковки от чипсов, банки из-под га-
зировки и другая тара, которую кто-то опустошил, разорвав
упаковки в клочья.

Один из узлов выглядел так, будто его ударили саблей. Из
лопнувшего нутра вывалились в грязь какие-то рейтузы, дет-
ская книжка с картинками, DVD-диск с музыкой для диско-
тек.

Рядом с «универсалом» дверь в дверь стоял «седан» пред-
ставительского класса – тоже немецкий, гибридный, из тех,
что предназначены для хороших дорог и аккуратных води-
телей. На левом сиденье – дипломат из кожи, которая по-
коробилась и теперь порвалась бы от простого прикоснове-
ния. В нем – авиабилеты. Предусмотрительно завернутые в
целлофан, они все равно размокли. Рядом покоился забытый
бумажник – брендовая вещь, а не китайская копия. Внутри
– труха, бывшая когда-то купюрами, а из раскрытого отде-
ления вывалилась россыпь банковских карт, давно выцвет-
ших и еще раньше размагнитившихся. Нераспечатанная пач-
ка дорогих сигарет виднелась в раскрытом «бардачке».

Не бегство, не эвакуация, а просто лихорадочная догад-

ка, посетившая еще чей-то мозг. Но куда улетишь от смерти, спасти от которой может только эмиграция на другую планету?

На заднем сиденье валялся ноутбук в чехле. Наверно, если его зарядить, он до сих пор мог бы служить. Но люди сюда не заглядывали. Это было видно по нетронутым консервам в пакете и бутылке французского коньяка там же. Все эти вещи не нашли себе нового хозяина.

А старый был тут, на сиденье. Скалила зубы костяная голова, обтянутая пергаментной высохшей кожей.

Стекло уцелело, и именно в этом было дело. Несмотря на сеть мелких трещин, оно не поддавалось таинственному напору, выстояло: должно быть, пуленепробиваемое. Хотя вся крыша была испещрена мелкими и крупными царапинами, будто кто-то с остервенением долбил безобидный автомобиль ножом или ледорубом. Или стучал клювом, как дятел.

И этот человек тоже ничего не знал, просто почувствовал странный зов – и бросил все, чтоб поехать как можно дальше... но все равно не успел.

Чуть дальше рейсовый автобус таранился множеством окон. Каждое могло бы рассказать свою историю, если бы умело говорить. Как и пустые глазницы домов в любом подмосковном городе или поселке по соседству.

Небосвод цвета грязного снега казался очень близким. Он давил, накрывал собой, как крышка сундука. Пахло болотом и плесенью. В маслянистой воде, покрытой радужными раз-

водами, плавал мелкий сор, создавая иллюзию жизни. Но это лишь расходились круги по воде, когда в нее падали дождевые капли.

Вечер наступил внезапно, без перехода, и темнота начала расползаться с западного края неба, как пролитые из космоса чернила. Бледное пятно, обозначавшее солнце, скрылось за пологими холмами. Хотя самого светила не было видно и в полдень.

Перед самым закатом горизонт окрасился огнем, а пылевые облака начали переливаться всеми красками. Но длилось это считанные минуты. И некому было оценить.

Сразу как стемнело налетел промозглый ветер, заставивший бы человека стучать зубами от холода даже в теплой одежде. Впрочем, чтобы человек сумел выжить здесь, ему бы понадобилось что-то посерьезней куртки с капюшоном для защиты кожи и плоти от невидимой смерти.

И в темноте – без луны и без звезд – появилось то, что продолжало оставаться живым даже здесь, в этом рукотворном аду.

Вот на одной из берез, черной и мертвой, вспух странный нарост цвета сырого мяса. Он быстро увеличился в размерах и лопнул. Из него выбиралось на свободу что-то мелкое и юркое, исчезая в жухлой траве.

А вот забулькало, захлюпало в большой луже, которая уже успела размывать большой кусок железнодорожной насыпи. словно в ответ заворочалось и зарычало из лесопосадок, которые окаймляли железную дорогу. Качнулась, пошатнулась пара рослых многолетних деревьев, будто кто-то тяжелый налетел на них. Какой-то звук, похожий на вздох, облетел рошу.

На секунду показался из-за пылевых туч щербатый профиль луны, пролил на переезд мертвенный и холодный свет. Но вот с запада, заслоня лунный фантом, пролетело на большой высоте что-то живое. Что-то с крыльями, неровными, как рваная простыня.

Но и оно исчезло вдали. И никто не тревожил покой мертвого шоссе долгие три часа, пока вдали не показался он. Издалека его можно было принять за человека. Но приглядевшись, любой бы понял, что человеческого в нем мало. Искаженный силуэт – длиннорукий, сутулый, кривоногий – напоминал бы крупную обезьяну, если бы не голова с высоким выпуклым лбом.

По обочине, обходя машины, шел он такой походкой, которую не смог бы изобразить никто. Так ходили разве что ископаемые предки человека.

Несмотря на кромешную тьму, он ни разу не споткнулся об обломки и не наступил в глубокую рытвину, заполненную водой. Он прекрасно видел в темноте.

Проще было бы идти посередине дороги – по разделитель-

ной полосе, заросшей уродливым кустарником. Но от нее существо почему-то старалось держаться подальше. Может, у него были на это причины. Ведь там он оказался бы зажатым с двух сторон машинами, загораживающими обзор. И не смог бы убежать с дороги, если бы внезапно появилась опасность. А здесь на обочине есть всегда возможность уйти с шоссе на ровное открытое поле, и опасность могла нагрязнеть только с одной стороны, а не с двух.

По железнодорожной насыпи брело существо, отдаленно напоминающее человека. Сутулое, длиннорукое. Босое – просто не придумано на такие уродливые ступни сапог или ботинок. В истрепанной плащ-палатке с капюшоном. Она была страшно драная и висела на нем, как на пугале. Хотя одежда ему не нужна была вовсе.

Капюшон скрывал лицо. И правильно. Вот свет луны, выглянувшей из-за тучи, на мгновение осветил его черты. Тот, кто ожидал увидеть пусть изможденное, но человеческое лицо, вскрикнул бы от неожиданности.

Покрытое неровной чешуйчатой кожей, с полипами и наростами, лицо это могло напугать любого. Под набрякшими веками – глубоко запавшие красные глаза. Губы шевелились, будто силясь что-то произнести, но из щелеобразного рта вырывались лишь шипение и свист.

Дождь поливал создание потоками воды, уровень излучения которой заставил бы взбеситься стрелки приборов, но оно шло, будто ничего не замечая.

Впрочем, беспечным оно не было. Стоило в грузовой «Газели» чему-то зашевелиться, завозиться, как существо сразу изменило маршрут и обошло старую развалину по широкой дуге.

«Там гнезда. Туда нельзя». А кто или что там вылупится, это было уже неважно.

Крючковые пальцы что-то сжимали. Это был клочок бумаги: то ли открытка, то ли страница из журнала. На нем – зеленая бескрайняя равнина и яркий диск солнца в небе. В полноводной синей реке, чьи берега заросли камышом, голенастые птицы ловят рыбу. Обезьяна залезла на пальму. Над ней, на самой верхушке, два попугая пестрых расцветок. Вдалеке, возле могучего ствола баобаба, силуэт жирафа.

Неожиданно пальцы создания начинали сминать листок и комкали его до тех пор, пока тот не превратился в шарик.

Шарик упал в грязь и мгновенно размок, погрузился на дно.

А существо все шло, не сбавляя шага. Вот переезд снова был пуст.

В какой-то момент разряд атмосферного электричества ударил в опору ЛЭП, пуская ток по давно не видевшим его проводам. Полетели искры. Вспышка молнии осветила все вокруг, заливая переезд мертвенным светом. Она выхватила из темноты старый едва различимый знак:

«Москва – 22 км».

Внизу кто-то нарисовал значок радиоактивности краской

из пульверизатора. А с обратной стороны – ухмыляющийся череп.

Но это не остановило идущего.

И вот из-за горизонта медленно поднимались многоэтажные дома. Новостройки, над одной из которых застыл строительный кран, лишь немного не успевший завершить свой Сизифов труд.

Сверкали молнии в небе над домами. И казалось, что окна светятся. Но вот гроза прошла, и окна снова потемнели. И будут они такими до скончания времен. А вернее, до того момента, когда панельные стены обрушатся под собственным весом, погребая и остатки, и останки. Но пока этого не произошло, дома будут стоять – как памятники событию, повернувшему двадцать лет назад историю в другое русло.

Интерлюдия 1

Вестник апокалипсиса

Самолет летел над морем и островками в заливе, стремительно приближаясь к рваной линии берега. Топливные баки были практически пусты, но горючего должно было хватить на весь рассчитанный маршрут. Сквозь прорехи между облаков виднелись темная вода и серая земля, расчерченная на квадраты дорогами и испещренная точками-зданиями.

Тень крылатой машины спугнула чаек. Они с криками взмыли со скал и закружились над выброшенными на берег возле причала моторными катерами.

Утром была буря, но сейчас вода уже успокоилась. Птицы еще долго кружили над портовыми кранами и пристанью, уже после того, как строгий силуэт самолета исчез за линией холмов. Потом они полетели на поиски пищи.

Это был не обычный самолет. Созданный на базе серийного лайнера, он несколько раз дорабатывался, чтобы служить конкретной задаче, далекой от пассажирских перевозок. Он был одним из двух вестников Армагеддона, находясь в собственности страны, которая, в числе прочих, привыкла играть в геополитику. Этим летом такие игры достигли своей кульминационной точки.

Прямо по курсу чернели тяжелые плотные тучи, среди ко-

торых поблескивали разряды молний. Грозовой фронт впереди обещал сильную турбулентность, но пилот даже не попытался изменить курс или сменить эшелон, чтобы обойти опасную зону стороной и избежать болтанки.

Пока самолет пробивал стену туч, его поврежденный в нескольких местах фюзеляж дребезжал и звенел, словно протестуя. Крылатая машина была в какой-то мере защищена от поражающих факторов ядерного взрыва, но не от превратностей слепой стихии. И не от ракеты «земля-воздух».

Воздушное судно находилось в полете уже много часов. Навигационные огни и все внешнее освещение не горело, так что с земли его можно было различить только по гулу двигателей, но не на такой высоте.

В кабине царил полумрак. Видимо, что-то случилось и с внутренним освещением. Только тревожно мигали значки на приборной панели, да несколько индикаторов настойчиво предупреждали о разгерметизации в салоне, низком уровне топлива в баках и еще о пяти других показателях, приблизившихся к критическому значению.

Звуковые сигналы еще работали. Но тот, для кого они предназначались, ни на что уже не мог обратить внимания: в его остекленевших глазах отражались только перемигивания приборов и огни города внизу – те, что еще не прогорели и продолжали тлеть, как угли потухшего костра.

Второй и третий пилот тоже были недоступны. Они лежали в крови, продырявленные насквозь металлическими

осколками, летевшими со скоростью пули. Помощь погибшему экипажу оказать уже никто не смог. Скрюченные пальцы капитана болтались в воздухе, так и не дотянувшись до кислородной маски. Корпус самолета был прошит, как бумага, а на такой высоте смерть от гипоксии и холода наступает быстрее, чем у альпинистов на Эвересте.

Прошло уже четыре часа с того момента, как автоматика приняла управление судном из рук мертвого военного летчика, который пережил свою жену и детей на считанные минуты.

Самолет не имел собственных систем вооружения – не для этого он создавался. Все полезные площади на борту были отведены под сложную электронику, которая должна была привести в действие механизм войны – разбросанные на тысячи километров командные пункты, части и подразделения.

Кроме того, на самолете имелись средства постановки помех и радиоэлектронной борьбы – его единственная защита и оружие, с помощью которого был ослеплен вражеский корабельный радар. Ракета ПВО противника взорвалась на пределе дальности, так что облако шрапнели зацепило самолет лишь краем, не убив, а лишь поранив стальную птицу.

Но и этого оказалось достаточно для тех, кого она несла внутри себя.

На командной палубе в центральной части фюзеляжа все погибли на пять минут раньше экипажа в кабине. Одно из тел в зеленой пятнистой форме со звездами на погонах скло-

нилось над картами, будто даже после смерти вглядываясь в театр военных действий. Человек этот был пристегнут ремнем и при каждой встряске мотался как болванчик.

Второму, у которого на погонах было на одну звезду больше, повезло меньше. Он не был пристегнут, его труп закатился в угол и при каждом толчке бился об обшивку.

Сложный компьютерный терминал, совсем недавно приводивший в движение мирно спавшие в бетонных шахтах межконтинентальные исполины, уже перешел в режим энергосбережения. Экраны потухли, система, не получая питания извне, расходовала последний заряд аккумуляторов. Единственный работающий прибор чертил одному ему понятные сложные графики, не зная, что все наблюдатели уже отправились в страну вечной охоты.

Но нужные команды и приказы были отданы еще до того, как роковая ракета настигла борт.

Внезапно в динамики через треск помех прорвался слабый голос:

Пункт управления борту № 12-А4... Подтвердите готовность к...

И снова:

Пункт управления... № 12-А4... Подтвердите готовность к...

Через минуту он оборвался. В наступившей тишине были слышны только вибрация пола и слабый стук стеклянного стакана, стоящего в углублении стола.

За иллюминаторами расстилались выжженные поля, ломаные и рваные уступы руин.

Когда уровень запаса топлива упал ниже критической точки, двигатели зачихали и почти одновременно перестали работать. Самолет ушел в неконтролируемый штопор, словно выполняя сложный показательный маневр на авиа-шоу.

В нижней точке своей траектории он врезался в скелет жилого дома – всего в паре километров от испарившегося несколько часов назад аэродрома. Оставшихся в баках паров авиационного топлива оказалось достаточно для небольшого взрыва. Конструкциям панельного здания и этого хватило. Оно обрушилось, похоронив под собой в братской могиле останки вестника Апокалипсиса и его последний экипаж.

Под начавшимся проливным дождем пламя потухло за считанные секунды. Тучи сгущались. На землю надвигалась тьма.

Интерлюдия 2

Эксперимент, день последний

6 июля 2013 г.

Сергиев Посад-6

филиал НИИ Микробиологии МО РФ

Проект «Биоморф»

Два человека в синих лабораторных халатах бежали по коридору.

Пару минут назад никто не заметил, как они отделились от общего потока людей, которые в сопровождении сотрудников охраны в черной форме с красными повязками на рукавах организовано покидали этажи по главной лестнице и двум запасным.

Снаружи внешняя охрана в сером камуфляже помогала сотрудникам института грузиться в «ЛиАЗы», носила и грузила тяжелые пакеты с документами. Суеты и неразберихи не было и в помине. Сигнал тревоги был уже не первым, а, наверное, двадцатым за этот год. Но сотрудники центра были людьми подневольными. Их дело было не ворчать, а брать под козырек и выполнять, даже если про себя они и костерили высокое начальство, решившее опять поиграть в войну.

Лица, ответственные за эвакуацию, ходили по пустым ка-

бинетам и лабораториям, чтобы удостовериться, что никто не забыт. Но делали они это с прохладцей, без энтузиазма. И в эту часть здания не заглянули.

Два бегущих человека – молодой и пожилой – позволили себе перевести дух, только миновав очередную дверь, которая сейчас была открыта, хотя обычно для этого требовалась магнитная карта-ключ. Их не должны были хватиться еще минут пять. За это время им надо было успеть всё сделать. Обрубить все концы, чтоб комар носа не подточил.

Евроремонт на других этажах был сделан полностью. Но здесь, на третьем – только в одном крыле, правом. В левом же все было очень кондовое и старомодное: оштукатуренный потолок и стены, выкрашенные в темно-зеленый цвет, навевающие мысли о районной больнице или психиатрической клинике. Лампочки в матовых плафонах на потолке забраны решетками.

Здесь было пыльно и совсем не так чисто, как в других частях здания: на стенах кое-где виднелись потеки воды, на трубах – следы ржавчины.

Только тут, отдышавшись, двое мужчин заметили, что до сих пор не сняли лабораторные бахилы. Но решили оставить их на ногах – уж очень гулко голый бетонный пол отзывался при каждом шаге.

«Отделение радиобиологии» – гласила табличка на стене коридора, в который они свернули. Дальше уже никаких указателей не было, только номера: Кабинет № 12, Лаборатория

№ 10, Кабинет № 14 и так далее. Оглядевшись и удостоверившись, что никто не идет следом и в поле зрения единственной камеры наблюдения они не попадают, двое свернули к двери. На той не было даже скупой таблички. Зато она была железная и очень массивная.

Зазвенели ключи в трясущейся руке, в скважину удалось попасть не с первой попытки.

Тяжелую дверь отодвигали вдвоем.

За ней был другой коридор, короткий, как аппендикс. Шесть дверей, тоже железных. Прямо у входа стол с компьютером – старый, допотопный.

Воздух был затхлый, плохо провентилированный.

– Это точно? Ошибки быть не может? – нарушил молчание молодой, озираясь и привыкая к полумраку. Если в другом крыле работало аварийное освещение, и сияли яркие указатели направления, то здесь только три лампы горели вполне адекватно, а дальний конец коридора и вовсе не просматривался. Окон не было. Зауток находился в глубине здания.

– Сигнал гражданской обороны «Внимание всем», – произнес пожилой, быстро выдвигая ящики стола и выкладывая на столешницу папки и бумаги. – Похоже на учения. Зачастую они в этом месяце. Уроды... Я пытался звонить. Председатель городской эвакуационной комиссии... мобилизационный отдел... никто не отвечает! А что если это подстава? Чтоб нас вывезти и спокойно выемку документов произвести? И почему Папа не отвечает? Он же обещал полную крышу!

В этом крыле канал связи системы оповещения был обрзан, и динамики громкоговорителя не надрывались от хриплого голоса начальника охраны. Звук сирены доносился, но он звучал где-то далеко, на пределе слышимости.

– Ты сделал, как я сказал? – спросил старший, тяжело хватая ртом воздух, как вытащенная на берег рыба. Сказывались лишний вес и возраст. Такие пробежки были уже не для него.

– Да, диски, «винты» и флешки р-разбил, – тот, что помоложе, немного заикался, явно нервничая.

– Молодец. Теперь тащи бумаги.

– В шредер?

– Какой шредер? – голос пожилого зазвенел нотками гнева. – В котельную. Хотя на бумаге там мало. Главное, что цифровые уничтожил. Теперь всё только на моем «винчестере». – Он похлопал себя по оттопыренному карману. – Машина через двадцать минут подойдет. Нам надо через час на сборном пункте быть. Или хочешь тут остаться?

Молодой явно не хотел, поэтому пулей залетел в первый кабинет и вскоре вышел оттуда, сгибаясь под тяжестью пластикового черного мешка. Парень оставил ношу у наружной двери и быстро оббежал еще три комнаты, из каждой вынося по паре скоросшивателей с документами. Все это полетело в мешок.

Старший в это время срывал графики и таблицы со стен. Закончив, подошел к системному блоку (тот оказался раз-

винчен), снял крышку, достал жесткий диск, вскрыл корпус отверткой и старательно разбил содержимое молотком.

Где-то продолжала надрываться сирена.

К последней двери они подошли вместе. Здесь пахло сыростью, плесенью, аммиаком и мокрой шерстью. Фоном звучало нечто похожее на ворчание, вошканье, поскребывание.

Старший протянул молодому несколько упаковок лекарств.

– Добавь им в кормушки. Хватит, чтоб слона убить. Анафилактический шок – и все дела... Их все равно придется ликвидировать.

– Ствол бы здесь лучше подошел, – произнес молодой уже более спокойным, но все равно чуть дрожащим голосом.

– Тут режимный объект, нельзя. Всё, иди! Я подожду в конце коридора. И смотри у меня... Не забыл, что говорить? Практиковали экспериментальный метод лечения для больных редкой генетической патологией. Любая комиссия из научных светил подтвердит. Уж тут Папа посодействует. Жаль, от трупов не избавиться. Главное, лишнего не ляпни. Если все всплывет, нас даже в Зимбабве найдут. Тут не военной прокуратурой пахнет, не тюрьмой, нет. Но мы сами на это вызвались. И доведем до конца. Долго эта бодяга с эвакуацией не продлится. Узнать бы, какой ублюдок навел на нас проверку, я бы его самого... в вольер посадил. Через месяц приступим к работе, пришлют новые образцы... Все будет пучком.

С этими словами он ушел, что-то нервно напевая про себя. Его шаги постепенно стихли в коридоре за дверью.

Постояв еще пару секунд, молодой подошел к пожарному щиту на стене и снял топор.

– Мало ли что, – сказал он сам себе вслух. – Так спокойнее. Это лабораторные животные. Ничего больше. Просто животные.

Он открыл по очереди два замка и взялся за ручку последней двери. В нос ему ударила резкая вонь.

Это была самая большая комната: метров шесть в длину и чуть больше в ширину.

Все сложное оборудование уже разобрали и вывезли, и левая половина помещения была почти пуста. Там стоял только старый операционный стол с ремнями для фиксации туловища и конечностей. Да еще кресло, похожее одновременно на зубоврачебное и гинекологическое, тоже с фиксаторами, но уже стальными. Рядом стояли сломанная кварцевая лампа и облезлое эмалированное ведро.

Зал был разделен на две половины проволоочной сеткой. И эта же сетка делила правую сторону на несколько секций. Это был загон. В вольерах стояли железные кровати, где на старых ватных матрасах, без одеял спали подопытные.

– Эй, вы, жертвы аборта. Еда. – Человек стукнул поварешкой по стоявшей на полу двадцатилитровой кастрюле с резко пахнущим варевом. – Еда пришла. Вы же хотите жрать?

Существо заворочалось на своей подстилке и открыло глаза.

Ему требовалось совсем немного сна. И даже во время этого непродолжительного отдыха большая часть его мозга была активна, а белые глаза в глубоких глазницах под массивным лбом оставались неподвижны.

Рот существа чуть приоткрылся, обнажая редкие зубы. Серая кожа, много месяцев не видевшая солнца... не видевшая его задолго до перехода в новое состояние... была покрыта красными пятнами и нарывами. В ней постоянно шли какие-то процессы, лопались маленькие язвочки, возникали и пропадали гематомы. Но мышцы под ней были сильными, а не дряблыми. Постоянные ритмичные движения, бесконечные прыжки на месте укрепляли их не хуже тренировок. Да и сама кожа была вдвое толще человеческой, и измененный белок меланин в ней при малейшем облучении ультрафиолетом темнел, превращаясь в непроницаемый экран.

Существо подняло голову и испустило *зов*.

Оно знало, что тюремщики *зова* не чувствуют, а значит, это его не выдаст. Младшие собратья отозвались из соседних вольеров. Они уже тоже пришли в себя, стряхнув дремоту, и синхронно повернули головы в одну сторону – на полосу света, показавшуюся из-за открытой двери. Но действовать

пока было рано, и они затаились.

– Давайте, твари, выходите. Вы же хотите жрать? И хватит прикидываться паиньками. Я знаю, что вы злобные уроды. Но я вас все равно покормлю. Сегодня у нас в меню овсянка с требухой. Извините, что остыло.

Смысла этих слов существа не поняли, но догадались, что обращаются к ним. Они знали, что *внешние* так общаются. В мозгах же серокожих созданий центр, отвечающий за речь, использовался совсем для других целей. И по человеческим нейронам и аксонам шел обмен совершенно иными данными.

Высокий *внешний* зажег маленькое свечение у них над головами и вошел в комнату. В темноте они видели во много раз лучше, чем *внешние*. Это уже было известно существам. Назначение выключателей они уже тоже усвоили. А еще они запомнили назначение кнопки, на которую нажимал другой *внешний*, после чего их больно била кусачая искра. Но в этот раз маленьких проводков к их коже никто не прицеплял.

Никто не двинулся с места, когда тюремщик начал разливать по тарелкам *еду*.

– Да вы там умерли или издеваетесь надо мной?

И в этот момент издалека долетел низкий гул, и все здание вздрогнуло.

– Твою мать!

Где-то зазвенели стекла.

Задрезбужала посуда в шкафчике.

Потом была минута передышки. И новый гул и рокот, после которых пошатнулись стены, заходил ходуном пол. С потолка посыпалась пыль.

Лампы мигнули, но не погасли.

«Что случилось?» Существо в клетке – *целое из отдельных* – не знало. Но почувствовало, что это пугает их тюремщика. А то, что плохо для *внешних*, чужаков с белой кожей, боящихся темноты, для *мы-я-оно* было хорошо.

Едкий запах пота выдавал страх и панику чужого, который тревожно озирался, словно колеблясь.

«Пусть убегает».

«Он не должен убежать».

«Да, не должен».

«Другие пусть убегают, а этот нет».

Весь обмен информацией занял сотые доли секунды.

В этот момент здание вздрогнуло в третий раз. Источник гула и грохота теперь находился еще ближе. Вибрация пола усилилась. С потолка посыпались куски известки. Что-то заскрежетало.

Лампы на потолке ярко мигнули и погасли.

Внешний вскрикнул и попятился, выронив черпак. И как раз встал спиной к самой ближней к выходу клетке. Он не мог знать того, что замок расшатан, и «язычок» выбивается любым слабым ударом.

Существо обладало такой силой, что удар получился совсем не слабый. Дверь не только распахнулась, но и чуть не

слетела с петель. *Внешнего* сбило с ног. Раньше, чем он смог подняться хотя бы на четвереньки, на его шее сомкнулись холодные скользкие пальцы. А когда он перестал двигаться, *первый* подобрал острую штуку, которую *внешний* принес с собой, и пошел открывать остальные клетки, выпуская своих *братьев* на свободу.

Стены перестали трястись, и все затихло. Одно за другим, переступая через неподвижное тело, восемь созданий вышли в темный коридор. К кастрюле с бурдой, которую они обычно с удовольствием ели, никто не притронулся. «Эту пищу нельзя трогать, – догадались они. – Ничего, здесь можно найти и другую».

Они выжидали. Шли часы, но никто не пришел. *Второй* крадучись подошел к окну в наружном коридоре и увидел окрашенное красным свечением. Ощущение рези в глазах мгновенно передалось всем, и они отпрянули, вернулись в *логово*, где лежал на пороге мертвый чужак. Никто не тревожил их покой, и они спокойно принялись пожирать его. А когда свет угас, они решились снова выглянуть в коридор. Кругом было тихо. Их совершенный слух подсказывал, что во всей этой постройке нет никого, кроме них. И где-то в мозгу каждого зазвенела, как гонг, мысль о том, что все теперь будет по-иному. Гораздо лучше.

Глава 1

Понедельник, утро

Октябрь 2033 г.

поселок Мирный, Московская область

Время не идет ровно. Время – это река. В ней есть свои стремнины и свои тихие заводи. А есть равнинные участки, где даже пейзаж не меняется, пока ты плывешь через года. Вроде какой-то чувак эту мысль уже высказывал. А может, чувиха.

Глядя в потолок, Николай подумал, что сейчас он, должно быть, угодил в болото. Годы проходили, а картину за окном словно приклеили.

Не менялась и комната. Лишь медленно ветшала и дряхла, как и он. У него появились одышка и радикулит. В комнате медленно отслаивались обои и грозились упасть потолочные плитки.

Лежа в одних подштанниках на продавленном диване, укрытый одеялом без пододеяльника, он подумал, что после девяти часов сна чувствует себя хуже, чем вчера вечером. Видимо, депривация сна на самом деле помогала от депрессии. «Впредь не надо давать себе дрыхнуть так долго», – решил он.

Николай бы сроду не вспомнил, что сегодня особый день, если бы не календарь в телефоне, который услужливо подсказал ему: «С днем рождения!». Была в его смартфоне такая программа. Можно дела не на неделю, а на год распланировать. Давным-давно, купив телефон, он сразу забил туда дни рождения и важные даты всех, кто был ему близок, чтоб не слушать противного брюзжания. Его собственная память была неважная, и ее объема хватало только на рабочие дела.

Потом было забавно получать такие напоминания: поздравь того, поздравь этого...

Потом. После.

Теперь он лежал и удалял их по одному, отправлял в небытие, вспоминая «Ворона» Эдгара По. Батарея уже умирала и совсем не держала заряд, поэтому надо было торопиться. Чтоб потом не клянчить у Васи-дизелиста: «Ну, дай зарядить телефон».

Еще настучит Семенычу, что у Малютина – ку-ку в голове. Что Малютин – псих.

Удаляя имена из телефонного справочника, он вспоминал каждого, посвящая им что-то вроде эпитафии, хоть и не стихотворной.

– Дмитрий Евгеньевич. Начальник отдела продаж.

«Жить в столице, снимать квартиру и обходиться без подработок? Целиком себя посвятить науке? Нет, не в этой жизни. Неважно, студент ты или аспирант. Если, конечно, у тебя нет родителя-олигарха. Вот и приходилось иметь дело с

людьми. Ну и редкий сукин сын. Даже для Москвы. Все пакости и придирки помню так, как будто это было вчера. Иди в топку».

– Петр Лаврентьевич.

«Заведующий кафедрой и научный руководитель. С виду весь увлеченный птичками-синичками, но на самом деле думающий только о том, как урвать себе кусок побольше. Зазнавшийся черносотенец, который не стеснялся совсем по-либеральному пялиться на симпатичных студенток в мини. Ну, и где твоя великая империя? И где твои деньги, ставки, турпутевки, квартиры? Катись к рогатому и хвостатому, пусть он тебе устроит all-inclusive».

– Сосед-тезка Колян. Всегда в спортивных штанах, будто девяностые не заканчивались.

«Сколько раз сигнализация на твоём ведре с болтами, именуемом машиной, мешала мне спать? Гори в аду. Надеюсь, там тебе колымагу подыщут».

– Маша. Бывшая. Девиз: не волосы красят женщину, а женщина – волосы.

«Теперь уж точно бывшая, гы-гы. Все твои глупости помню, будто это было вчера, и все подарки, которые ты у меня вытянула шантажом, и все рога, которые наставила с моими, и твоими, и общими друзьями. Я, наверное, в дверь не проходил из-за них, пока не отвалились. Сгинь, испарись».

Так он нажимал на кнопку, отдавая имена одно за другим небу и земле, пока не добрался до последнего.

– Кристина.

Здесь на секунду почувствовал предательское жжение в уголках глаз. Но тут же оно ушло, сменившись злостью.

«Как ты могла. Кто тебя просил ехать на это собеседование? Почему не осталась со мной еще на один день? Дурра. Гори со всеми. Все равно я побил твой рекорд в «Angry birds». Спорим, смогу повторить? Пока эта шарманка не отключилась навсегда».

В этот момент дурацкая игра про птичек и свиней оказалась ему отличной метафорой человеческой жизни. Разбег, к которому ты не имеешь отношения. Полет, которым ты не управляешь. Вспышка, в которой ты исчезаешь и которую ты не можешь предотвратить. Пустота, которую ты оставляешь после себя.

«А ведь мы чувствовали, – подумал он. – Мы, поколение социальных сетей, обитатели офисных многоэтажных курятников, не представляли себя старыми. Пытались вообразить, как будем водить внуков по парку или сидеть с удочкой над тихой рекой, седые и мудрые, но мы чувствовали, что все закончится иначе. И довольно скоро. Из выпусков новостей, из недосказанностей в речах политиков, из фильмов, песен, компьютерных игр... мы чувствовали. Мы не знали лишь точной даты. Но 2013, 2015 или 2019 – какая разница?»

В день, когда ЭТО случилось, он был другим. Живым как минимум. Сейчас он не стал бы гнать на чужом джипе, сшибая ограждения, как в игре GTA, навстречу реке машин, в которых обреченные люди пытались вырваться из обреченной столицы. Убежать от облака, хотя впереди, как он потом узнал, их поджидал все тот же Всадник по имени Смерть.

Сейчас он просто пожал бы плечами. И попытался бы выжить сам, один. А тогда он был на целую жизнь моложе. И гнал вперед, объезжая препятствия, под 160 км в час, выжимая из чужого «Паджеро» все, на что тот был способен. Не жалея ни мотор, ни бампер, ни резину. «Все равно джип чужой, а его владелец лежит под завалом. И отвечать перед судом уже не придется».

Он тогда повернул назад, только доехав до МКАДа.

Кольцо тоже было запружено сплошным потоком машин. Был там даже лимузин. Тогда Николай подумал, что это какой-то богач с понтами или популярный певец. Теперь склонялся к мнению, что это была машина из свадебного кортежа... или кто-то, угнавший машину из проката.

Он понял, что впереди нет ничего живого, когда прикрученный изолентой на приборной панели радиометр показал, что уровень радиации в салоне даст летальную дозу за несколько часов. А ведь он постарался все щели законопа-

тить.

Значит, снаружи – только смерть. И не удивительно, что во всем пейзаже его машина была единственным движущимся объектом.

Он тогда разбил себе нос и бровь во время ударов бампером о чужие авто с мертвыми уже водителями внутри.

Крутой разворот с визгом покрышек – почти как в кино... И такая же гонка в обратном направлении. А потом неделя между жизнью и смертью в каком-то подвале. С постоянной рвотой, температурой под сорок и галлюцинациями, где белесые кровососущие твари тянулись к нему своими хоботками изо всех углов.

Он тогда потерял четверть живого веса, которая так и не вернулась.

Еще минут пять Николай со слезящимися глазами развлекал себя игрой, закачанной когда-то в мобильник, нажимая на непослушные клавиши: выстраивал ряды шариков, и они сторали, когда выпадали одного цвета.

Сгорали.

Он так увлекся этим занятием, что забыл, зачем достал свой «Lenovo» из обувной коробки, где тот лежал, придавленный тяжелым молитвенником и четками, зачем стряхнул с него десятилетнюю пыль.

А ведь он хотел переписать кое-какие заметки с устройства в блокнот. В первые недели после того, как упали бомбы, он, Николай Малютин, тогда работник кафедры биофака МГУ, вел эти дневниковые записульки, чтобы не сойти с ума. Заносил данные погоды: температуру, скорость ветра, влажность; делал хронометраж своих перемещений; протоколировал последствия ядерных ударов для биоценозов: уровни заражения, радиационный фон, летальность. Людей он игнорировал. Понятно, что они умирали. А что им, балет танцевать? Но он писал про популяцию подмосковных ежей и реликтовые березовые рощи. Теперь это казалось ему смешным.

Ежики в тумане... Все они умерли, хотя шерсть и иголки защищают от гамма-лучей лучше, чем голая кожа и одежда. Все они сдохли.

Но, наверное, не менее смешным было его нынешнее желание перенести эти записи на бумагу. «Для истории». Кому? Для кого? Закончились все истории.

За окном – толстым, шестикамерным, с закачанным между стеклами то ли аргоном, то ли криптоном, – ветер гонял мертвые листья. Да и стекло, возможно, было не простое, а просвинцованное, как в рентген-кабинете.

Ну, раз сегодня «день варенья», можно позволить себе праздничный завтрак. Он подошел к шкафчику и достал банку тушенки. Открыл ножом, начал ковырять вилкой. Налил из банки немного отстоявшейся очищенной воды с неприят-

ным пластиковым привкусом.

Можно было поесть мясорастительных консервов – перловка с мясом, – но прежде чем плюхнуть содержимое жестянки на сковородку, надо пойти в Клуб, чтобы дали воспользоваться плиткой. В домах Семеныч разрешал только лампочки – электричество берегли.

Двадцать лет прошли – как с куста.

В такие дни было особенно тоскливо. Даже зимой и то веселее – в вихрях снежинок есть иллюзия чужой ледяной жизни. А осенние листья мертвы и иллюстрируют собой власть небытия: выглянули на пару месяцев и уже осыпались. И это при том, что большинство деревьев вообще не проснулись, а стояли палками, словно скелеты.

«Лучше бы война случилась зимой. Тогда бы их больше выжило».

Радиочувствительность деревьев зимой, в состоянии покоя, в три раза ниже, чем при облучении летом. Он давно не видел ни одного хвойного дерева, и не мудрено – они в десять раз хуже, чем лиственные, переносят облучение. Самые живучие – травы и кустарники. Однако мхи и лишайники могут дать фору даже им. Но вне конкуренции – бактерии, живущие в почве. Даже когда все живое на поверхности гибнет, они, не замечая этого, продолжают свою работу по переработке органики в гумус. Им даже лучше...

Редкие пятна зеленой травы все-таки пробивались в мае-июне, да покрывались листочками клены и березы. Но уже к

августу все это чернело и облетало.

В такие октябрьские дни, как сейчас, появлялась ностальгия даже по просыпающимся весной насекомым. Хотя в самих тварях приятного мало – первое время, когда после многолетнего перерыва на стекло вдруг стали садиться, шевеля суставчатыми конечностями, мотыльки типа ночного павлиньего глаза, он вскрикивал. Один раз сел большой бражник. С размахом крыльев, как у воробья. А летом вечерами налетали полчища мух – вялых, потому что температура была низкой, но настырных. Они пытались пробиться к источнику света, к лампочке. Большие, жирные.

Тьфу, пакость. А вот дневных бабочек, пчел или ос он не видел. Зато видел пауков и тараканов. Двухвосток не было – дома-то не деревянные, а из бетона, да еще непростого – специального радиозащитного баритобетона.

Тот, кто спроектировал и построил этот чудо-поселок, должен был быть отмечен государственной премией. Правда, та премия скорее всего была секретной, как и факт назначения поселка.

Когда этот шедевр инженерного дела возвели? Наверное, за пару лет до войны. Странно, что ни один из популярных блоггеров не успел его заметить и сфотографировать. Хотя для этого надо было всего лишь выйти из машины и найти точку на пару метров выше полотна шоссе.

Сами дома были странные, и, когда Малютин их впервые увидел, они вызвали у него ассоциации со страной хобби-

тов. Или пчелиными сотами. Форма была слишком обтекаемой, слишком приземистой, скругленной. Все они были построены по типовому проекту. Металлические односкатные крыши одного цвета – белого. А теперь даже не узнать, для подготовки космонавтов его построили или в ожидании того, что потом случилось.

Под самыми окнами тянулись, медленно сворачивая в сторону, тусклые секции «трубы». От нее к крыльцу дома Николая шло ответвление.

Невысокий железный забор отделял крохотный дворик от соседского. Но «трубе» заборчик преградой не был – она проходила через него, как и через остальные заборы. Разглядеть ее всю из окна было невозможно, но Малютин знал, что труба шла через все поселение, соединяя в единую систему шестьдесят четыре дома, Клуб, Ферму и Склад. Три последние здания были связаны еще и туннелем – подземной галерей, проложенной в двух-трех метрах ниже уровня земли, с перекрытием из железобетона.

Если представить поселок как нарезанный торт, в котором отдельные участки – это ломтики, то «труба» была бы линиями разреза, три общественных здания – вишенками в середине, а стена тогда – краем тарелки.

Двухметровое ограждение из железобетона с натянутой поверху колючей проволокой окружало поселок, полностью повторяя его правильную форму. За этой стеной начинался обычный среднерусский пейзаж... со скидкой на то, что слу-

чилось двадцать лет назад.

Шоссе отсюда было не разглядеть, лишь окаймлявшие его деревья. Зато иногда в ясную погоду можно было увидеть на горизонте Сергиев Посад. Но такой погоды почти не бывало с тех пор, как они сюда пришли.

Когда он впервые увидел «трубу», она напомнила ему фильмы о пандемиях и колониях на других планетах. Стальные поддерживающие рамы, незнакомый материал вроде прозрачного металлопластика. Эти переходы не были герметичными, даже если изначально и имели такое свойство, но не пускали внутрь пыль, сор, дождь – все то, с чем могли прилететь радиоактивные частицы. Правда, дождь – не полностью. Капли воды кое-где просачивались. Труба явно была тут не с довоенных времен, иначе бы слишком бросалась в глаза. Скорее, ее смонтировали из готовых секций уже после ядерных ударов.

А вот дома были герметичными. Как на Марсе. Узкий тамбур играл роль шлюза. Внутри каждого жилища – фильтровентиляционная камера. Такого же типа, какие ставят в небольших убежищах. Впрочем, четырех-пятиместные убежища в подвале каждого коттеджа тоже имелись.

«Надо убедить себя, что мы первые люди на Марсе, а не последние люди на Земле», – говорил себе Малютин.

В кухне размером с купе поезда капала вода из крана. С каждым днем чинить что-то становилось все труднее: все ржавело, портилось, а запасные части достать было почти невозможно. Раньше брали в супермаркетах, теперь скручивали в соседнем дачном поселке, снимали, откуда только можно.

За окном завывал ветер.

Осень. Ядерная.

«Ну, вот тебе и сорок шесть, – подумал он. – А когда-то казалось, что дожить даже до сорока нереально».

Николай потянулся за стаканом и налил себе до середины. Он давно знал, что алкоголь на него не действует седативно и настроения не улучшает, но ради дня рождения...

Стук в железную наружную дверь заставил его вздрогнуть и чуть ли не свалиться с дивана. Несколько секунд он смотрел в никуда, потом принялся лихорадочно прятать телефон и зарядку. «Люди не поймут». Они же не поняли, когда он включил две говорящие игрушки на батарейках и полчаса слушал, как они беседовали, повторяя случайные фразы: «Я люблю тебя!», «Как дела?», «Погода сегодня чудесная!», «Давай дружить!».

– Малютин! Малютин, мать твою, что с тобой? – услышал он знакомый голос и поплелся открывать.

Дверь герметизировалась с помощью штурвала. Как на корабле. Поэтому часто ходить туда-сюда было напряжно. Хотя он был не из тех, кто тяготился изоляцией.

Выйдя в шлюз и закрыв за собой дверь в дом, он протер запотевшее окошечко в наружном люке.

– Ну, чего надо?

– Пусти, надо поговорить, – Глеб Семеныч Востряков был категоричен.

Открыв старосте дверь и, после того, как тот снял резиновые сапоги и куртку с капюшоном, пропустив его в дом, Николай машинально пожал протянутую руку.

– А я думал, ты опять «уши» надел, – проворчал глава поселка, поправляя кепку. Это был уже не молодой, но крепкий мужик, который говорил с сильным «оканьем». За эти двадцать лет он почти не изменился. Только поседел, облысел и чуть сильнее пригнулся к земле. Даже свитер с высоким воротом был на нем тот же, в котором Николай его впервые увидел.

– Да какие «уши», – Малютин махнул рукой. – Сломался плеер месяц назад.

– Меня послали передать, что в Клубе тебя сегодня ждут. Отметим. Приходи, все ж таки надо вместе собираться.

– Приду, – соврал Николай. – Обязательно. Вот только галоши надену.

– Так. Опять грузишься? А ну, блин, встряхнись. Это было не вчера...

– Ага. Позавчера.

– Всем тяжело. Не ты один потерял. Ну не заводи свою пластинку: «Мы последние живые в стране мертвецов». Не последние. Сам же слышал передачи.

– И что? Все мегаполисы молчат. О стране ничего не слышно. Несколько недобитков, таких же, как мы, еще цепляются за жизнь. И те далеко. Мы туда живыми не доберемся. И не факт, что они нас ждут.

– Доберемся. Вот придет весна... обязательно возьмем машины и поедем.

Это Семеныч обещал уже четвертый год. С тех пор, как радиация начала маленько спадать. Поедем, мол, до Ростова или до Саратова.

Самим миллионникам, конечно, досталось, как и Москве, но рядом могли найтись и выжившие. И свободные от заражения земли.

Но всегда что-то мешало. Всегда выбирали синицу в руках и заделывали, замазывали щели, чинили крыши, заклеивали дырки в «трубе» и крышах, которые постепенно пробивал град.

Системы очистки воздуха Мирного были построены словно с космическим запасом прочности, но и они были не вечны. Шестнадцать домов уже бросили, а их фильтровентиляционное оборудование трое механиков разобрали на запчасти, чтоб хоть как-то чинить остальные.

Получая раз в неделю у Марины на Складе свою пайку,

состоящую из банок, с которых был предварительно счищен солидол, Малютин так и не допытался у нее, сколько их там еще осталось в «зачатке». У сухих концентратов давно вышел срок годности, но пока никто не отравился.

– Да ладно, не парься, Семеныч, – произнес Николай, протягивая ему стакан и гадая, когда же он уйдет. – И за меня не переживай. Я что, слезы лью? Или вешаться лезу, как Петровна? Живу себе, на ферме овощи выращиваю. Со мной проблем нет.

«Вот и не лезь в душу», – добавил он про себя.

– Верно, нету, – кивнул староста. – Но ведешь себя ты так, что мы... как бы это сказать... волнуемся за тебя.

«Да ладно уже, не ходи вокруг да около, дед, – подумал Малютин. – Тебе не за меня страшно, а за себя и остальных. Ты, бывший преподаватель ОБЖ, директор школы, заслуженный, мать-перемать, работник образования, нутром чувствуешь, что в тихом омуте черти водятся. По-твоему, лучше бы я пил и буюнил. А так... ты боишься, что однажды ночью я возьму топор, который стоит в тамбуре, а может, ружье, и буду ходить от дома к дому, как тот маньяк из одной белорусской деревни. Шлюзы, конечно, трудно взломать снаружи. Но не все их блокируют изнутри. Вот этого ты боишься. А на меня тебе плевать».

Николай посмотрел в зеркало на свою небритую физиономию. И вспомнил тех психов, которые устраивали в Америке расстрелы в людных местах, а потом говорили, что у

них сдали нервы, потому что жизнь не сложилась.

«У меня в тысячу раз больше причин говорить, что она не сложилась. Как и у нас всех».

Вранье, что время лечит. Просто есть люди, которые о потере близкого человека переживают не больше, чем о сдохшем хомячке. Вот таким время без проблем прижигает раны, особенно если это дело промывать спиртом. А у кого-то и без ядерной войны боль от утраты становится спутником на всю жизнь. Словно по живому оттяпало ногу трамваем. И даже если боль в зажившем обрубке стихнет, то стоит лишь поковырять, разбередить – и снова тянет откуда-то из глубины. И даже то, что временем убило всё тепло и все чувства, не сделало боль меньше ни на йоту. Парадокс. Свою ногу тоже мало кто по-настоящему любит.

– Значит, так. В Клуб хочешь – приходи, а хочешь – нет. Но в караул ты сегодня пойдешь, – тоном, не терпящим возражений, произнес Семеныч. Похоже, именно это и было главной целью его визита. – Забыл, что твоя очередь была вчера? А ты на это плюнул. Так вот, сегодня за тебя никто не пойдет.

Малютин усмехнулся. Опять у старика разыгралась паранойя. Идея, что кому-то надо находиться ночью снаружи, казалась бредовой. А ведь это подразумевало не только выйти и посидеть в «трубе». Надо было, надев «защиту», обходить стену снаружи. Несколько раз за ночь. Либо же дежурить на наблюдательной вышке.

Этой идеей староста загорелся, когда пропали Пономаревы. Вот просто так за ночь исчезли муж с женой, оставив все вещи. А когда у Никулиных пропал сын и вся деревня целую неделю жила в страхе, ложась спать с оружием, патруль был учрежден.

Вначале ходили впятером. Потом сократили до трех. Все равно никого не поймали и ничего не заметили.

Впрочем, Николая, одно время делавшего десятикилометровые вылазки во внешний мир, чтобы наблюдать за флорой, прогулка на свежем воздухе вокруг поселка не пугала. Ему просто было неохота. Он бы лучше полежал на диване и почитал Брэдбери.

Не надо было быть Эркюлем Пуаро, чтоб понять, как все произошло. Жека Пономарев наверняка задушил свою кикимору (крови в комнате не было), куда-то спрятал тело, а потом ушел. Даже не для того, чтоб свести счеты с жизнью, а просто подальше от чужих глаз, в аффекте. А там мог и утонуть, и замерзнуть, и дозу хватануть. Вещи остались нетронуты, даже еда. В чем был, в том и ушел.

А четырнадцатилетний Колька, один из детей, которые родились в заводском подвале, а выросли уже в Мирном, в четырех стенах, мечтал об иной жизни. В Клубе он все книжки перечитал. Хотел, поди, стать крутым сталкером. Поэтому влез, пока все спали, в ОЗК, надел респиратор и взял рюкзак с трехдневным запасом консервов. В своих мечтах он планировал добраться до Москвы, на Урал или в Питер.

Конечно, далеко не ушел, и кости его белеют теперь где-нибудь в траве.

– И на хрен это вообще нужно? Кого вы все боитесь? Мы людей не видели уже четыре года, – Николай поморщился.

– Мало ли. Выйдут какие-нибудь из леса... и перережут как кур во сне.

«Или перегрызут», – подумал Малютин, но промолчал.

– Я даже рад был бы незнакомую рожу увидеть.

– Есть такие морды, которые даже ты не будешь рад увидеть, Микроскоп. – В последнее слово-прозвище староста вложил весь сарказм. – Помнишь, я фотографию тебе показывал? Которую Никитич сделал.

Николай вспомнил фотокарточку безобразного качества. И где только Никитич раздобыл старый «Полароид»? И зачем вообще выходить на охоту, если добычи нет?

В здешних лесах даже земноводные исчезли. Подальше от Москвы... там, может, кое-что и было. Вон, Никитич говорил, что раз радиация маленько спала, он с сыновьями хочет аж до Владимирской области дойти. Попробовать свежего мяса добыть. Из окрестных лесов им удалось только двух зайцев принести: тощих, жилистых, с таким горьким мясом, что хоть рот полощи. Говорили, суслики есть, хомячки. Мелких птиц видали. Ворон. Но для прокорма общины этого было мало.

Кстати, самого старого охотника вместе с сыновьями уже почти неделю не видели. Это плохо. Так надолго Колосковы

еще не пропадали. Как бы не случилось чего...

Кроме карточки была еще голова, которую отец с сыновьями принесли в качестве трофея. Помнится, дизелист и механик Вася Слепаков, хохоча, сказал, что это тетерев, глухарь или домашний петух.

«Сам ты петух! Ты посмотри на размер. Да я его только со второй семерки подбил», – разозлился охотник. А после была небольшая драка, закончившаяся обработкой ссадин и синяков в медпункте в Клубе.

Голову потом кто-то выкинул, и Николай так и не смог ее исследовать. А ведь он единственный в поселке имел отношение к биологии, да и к науке вообще. Вначале ему показалось, что существо на карточке относится к отряду рукокрылых. Но потом, рассмотрев фото под лупой, он по морфологическим признакам отнес его к птицам. Вот только перьев не было.

«И как ему только подъемной силы хватает, чтоб летать?»

Да и с зайцами теми было что-то не так. Надо было их анатомировать, прежде чем отдавать в столовую. Неправильные это были зайцы.

«Чушь какая-то, – рассуждал Николай. – Ионизирующее излучение действительно увеличивает частоту мутаций. Но большинство из них внешне незаметны, например, изменение синтеза белка печени. Или летальны для организма и по наследству не передаются. И почти все они негативны. А для закрепления позитивных нужны многие тысячи лет. И

тем более для видообразования. Проще поверить в горизонтальный перенос генов. Но он невозможен без вмешательства высоких технологий и одного существа. Того самого, которое на двух ногах и без перьев. И которое само пора заносить в Красную книгу».

– Хорошо. – Видя, что дед не отстанет, Малютин, скривившись, кивнул. – Черт с тобой. Отбуду я вашу повинность. А в Клуб все равно не приду. Выпить я и один могу. Что мне, одни и те же анекдоты слушать? Мужики опять напьются, бабы будут реветь. Не хочу себе настроение на неделю испортить. Жратву лучше на вынос дайте.

– Получишь. К половине восьмого чтоб был в сборе. И не забудь ружье.

Интерлюдия 3

Эксперимент, день первый

Май 2013 г.

Дверь захлопнулась за ним, и наступила темнота.

«Где я? Зачем они меня сюда закинули?»

Зеленые стены. Запах нехороший. Даже не больничный. Так не пахнет даже в хосписе... например, в том, где они познакомились с Катей... когда он был волонтером. Это по-могало втираться к девушкам в доверие, да. Ведь все любят хороших мальчиков.

Такой запах мог быть только в старом погребе, где стенки из трухлявого дерева покрывают толстые наросты плесени, похожие на жутких существ, а белесые ростки проросшей картошки напоминают щупальца неведомых тварей. Видел он такой погреб в деревне у бабушки, когда ему было шесть лет.

Сейчас он находился в квадратной комнате – маленькой, как гроб, и без окон. Где-то в коридоре мерно капала вода.

Почему-то он представил, что там вдоль потолка протянута огромная гофрированная труба вентиляции – настолько широкая, что по ней мог бы пролезть человек. И она мокрая. Наверно, там скапливался конденсат.

Он попал сюда совсем недавно. А до этого долгие годы провел совсем в другом месте.

Там у него отобрали имя. Отобрали прошлое. Там он перестал быть Федором Скляровым: 34 года, москвич-образование-высшее-юрист. Он стал просто заключенным № 29.

«Встать! К стене! Руки за голову!!» – так его подняли этим утром в половине шестого, за полчаса до подъема.

Кроме него в одиночной камере никого не могло быть, поэтому даже по номеру к нему обращались редко.

Когда приходили с обходом, надо было быстро подняться и встать у стены напротив двери в давно заученной позе: примерно как в фильме «Кин-Дза-Дза». Так же он должен был вставать, когда приходили конвоиры, чтоб вести его куда-нибудь. Но это случалось нечасто. Его могли повести только к доктору на осмотр. Или к оперуполномоченному на допрос. Но все вопросы у следствия к нему давно отпали: дело Душителя из Южного Бутово закрыто, все тела с его помощью нашли. Он хорошо помнил следственный эксперимент, где показывал на пластиковом манекене, как именно душил свои жертвы.

Осталось отсидеть всего 20 лет. После 25 лет возможно было условно-досрочное освобождение. Правда, еще никто не дожил, но вдруг он будет первым?

«Ну да, я убил... убил их всех. Ведь я же сам признался. Я выродок и мразь, недостойная жизни. Пытался сдержаться. Каждый раз. Но это было сильнее меня».

Он до последнего надеялся, что его признают невменяемым. Даже симулировал припадки и бред. Но – не прокатило.

«Отдавал себе полный отчет в своих поступках».

Свидания ему были вроде бы положены, два раза в год. Но некому было его навещать. Для матери он все равно что умер. Православный батюшка к нему не приходил ни разу с тех пор, как он сказал, что их Христос – сын не бога, а сатаны. Видимо, посчитал, что эта душа окончательно погублена.

Так что когда он услышал шаги и звон ключа в замке, у него мороз пробежал по коже.

У тюремного врача он был недавно. На прогулку так рано никогда не водили. К работе их не привлекали, хоть на том спасибо.

За эти годы он научился различать всех надзирателей с этого этажа по походке и звуку шагов.

Но это были новые люди. Рослые, звероватые, с плохо выбритой щетиной. Это означало, что ожидать от них можно всего. Он за годы заключения навидался всякого и знал, что тут одни нелюди охраняли других, а все законы и конвенции – только для внешнего мира.

Когда они спускались вниз по лестнице, его вели трое, а не двое, как всегда. Один шел сзади. Гулко отбивалась дробь шагов по плиточному полу, эхо металось по коридору, как раненая птица.

Но вместо того, чтобы пойти к выходу из корпуса, они направились еще дальше по лестнице. Вниз.

Перед тяжелой железной дверью в подвал ему завязали глаза. Ледяным холодом выплеснулась на поверхность мысль, которая до этого билась где-то в глубине.

«Сейчас заломят руки, подведут к мешку с песком, чтоб не было рикошета...»

Он не слышал, чтобы мораторий отменяли. Но за это время вполне могли.

«Сейчас будет выстрел. Сейчас. Мама, мама, прости...»

Но вместо этого его силой уложили на носилки. Грубо зафиксировали ремнями.

Кольнуло руку на сгибе локтя. Тело быстро одеревенело. Руки и ноги стали как ватные, в ушах – будто пробки поставили. Он попытался что-то сказать, но язык тоже стал непослушным и чужим.

– Готов, – прозвучало над ухом. – Пакуйте багаж.

Он не мог пошевелиться. Его накрыла чернота.

А пришел в себя он уже здесь, в комнате, где темно и капает вода в коридоре.

Глава 2

Понедельник, вечер

День тянулся медленно. За окном ветер гонял по двору выцветшую обертку, стертую и бесформенную – то ли «Сникерс», то ли «Марс». Тянулись в никуда провисшие провода, которые когда-то питали поселок энергией.

Книги помогали убить время. Даже страшные и мрачные. Он успел перечитать «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима» и взяться за «Хребты безумия».

– Зачем ты читаешь такое дерьмо? – спросила его Марина, кладовщица, в тот самый вечер, когда они в последний раз поругались. – Разве это помогает забыться?

Они лежали в постели, но то, что они сделали за пару минут до этого, было очень механистично и совсем не принесло желанного расслабления душе. Только телу. Впрочем, она была не так уж плоха. Даже сейчас, когда у всех у них прибавилось морщин и легла на лоб печать долгой жизни в замкнутом пространстве.

Сама Марина читала романы, на обложках которых мускулистые герои в рубашках с расстегнутым воротом сжимали в объятьях полураздетых томных красавиц. А на обложках его книг жили своей жизнью бесформенные твари со щупальцами.

– Помогает. В этих книжках нет ничего похожего на прежнюю жизнь, они уводят мысли в сторону. А от твоих романов тебе только больнее. Там все слишком красиво, – ответил он ей тогда.

Он так и не понял, дошла ли до нее его простая мысль.

Но на нынешний вечер у него было припасено другое чтение. То, о котором никто из остальных ничего не знал. Николай нашел его неделю назад внизу, в маленьком убежище, расположенном под его домом, случайно заметив, что один из кирпичей стены возле приставной лесенки держится неплотно. Это был ежедневник в синей обложке.

Он еще не дочитал его, берёг, как запретный наркотик, готовясь выпитывать чужую боль, чтоб утолить свою.

Что ждало его на тех страницах, что он еще не открывал? Просто история выживания? Страх неизвестности? Боль от потерь?

Он пока позволил себе просмотреть только несколько записей. Так, для затравки, как аперитив. Одну со второй страницы:

«Почему не спадает? А как же «Правило 7/10»? Накрывает при каждом юго-западном ветре. Грязная бомба? Кобальтовая? Зачем? Взрыв на АЭС? Откуда? Мы заперты здесь, как в мышеловке. Но пока остается надежда... маленькая, но остается. 7 апреля 2014».

Одну с предпоследней:

«С каждым днем все меньше. Сегодня ушли три человека. Куда? Черт и то не знает. Но многие, с кем я говорил, тоже хотят. Прямо зуд у них какой-то. Я их спрашивал – на что они надеются? Ничего внятного. Сами не могут объяснить. Ладно, поживем – увидим. Июль 2024».

И еще несколько из середины.

В двадцать минут восьмого Николай был уже готов и стоял в шлюзе. В ОЗК – общевойсковом защитном комплекте – в жару можно было сильно перегреться. Но такой жары теперь не бывало даже летом.

Поэтому он, надев под костюм все теплое, не прогадал. Термометр показывал около нуля, но судя по тому, как вертелся самодельный флюгер за окном, ветер был шквалистый, а значит, температуру «по ощущениям» можно было уменьшить на несколько градусов.

Стенки «трубы» чуть колыхались, будто сделанные из полиэтиленовой пленки. Попадая в щели, ветер свистел и завывал. Не зря раньше примерно в это время года англосаксы отмечали день бродящей по земле нечисти.

Собравшись с силами и мыслями, Николай шагнул в «тру-

бу» и задраил за собой люк. Он уже привык, что в это время осенью не видно ни зги, но сейчас был редкий момент, когда тучи рассеялись. Наверно, помогла буря. Хороший знак. На западе небо переливалось красками от багрового до кроваво-красного и было похоже на хорошо отбитый кусок говядины. Где-то там, словно рисунки на песке, проступили силуэты черных домов и крыш города. Можно было разглядеть даже отдельные контуры знакомых новостроек.

Две темные фигуры уже ждали его неподалеку, возле кособокого столика и сколоченной из досок скамейки. Он узнал Жигана и дядю Лёву. Не самые приятные попутчики: один хам, второй нытик. Но могло быть и хуже. Могли поставить с кем-то, кто стал бы изображать дружелюбие и пытаться вытянуть на разговор «по душам».

– Явился, значит, Микроскоп. А мы уж думали, тебя гады сожрали. Неделю не вылазишь.

Противогаз с хоботом сильно искажал голос говорящего, а лицо этого невысокого мужика в прорезиненном плаще он делал и вовсе отвратным.

Данила Антонов, он же Жиган, ему с самого начала не понравился. Ровесник, но до войны успел сменить кучу профессий, если верить тому, что он всем заливал: и охранник, и сборщик долгов, и даже похоронный агент. Маленький, верткий живчик, похожий на хорька. Годы его не обтесали. Годы никого из них лучше не сделали.

И сейчас он не упускал случая подгрести под себя все что

плохо лежит.

Николай его недолюбливал, но этап настоящей ненависти давно перешел в безразличную неприязнь. Даже нормально подраться они не успели. Хотя за то время, что они варились в этом поселке, словно в собственном соку, все – и мужчины, и женщины – успели переругаться с каждым представителем своего пола.

И точно так же почти все успели сменить по паре-тройке партнеров из пола противоположного, временных или постоянных. Причем к сексу это часто отношения не имело или почти не имело. А имело только к психологической притирке друг к другу, к попытке заполнить пустоту от того, чего они лишились во время *событий*.

«Интересно, практиковалось ли такое в отряде космонавтов?» – подумал Малютин.

Устойчивых семей почти никто не построил. Детей родили единицы. И это, черт возьми, разумно. Было бы подло по отношению к новым людям приводить их в *этот* мир.

– Да пошел ты, – вместо приветствия ответил Малютин.

Простое правило словесной пикировки: чтоб не выдумывать ответную остроту, пошли оппонента куда подальше.

– А в глаз?

– Пацаны, не ссорьтесь. – Второй человек – в плаще-дождевике – поднял руку. Он был худой и сутулый. Маска не скрывала его глаз, и было видно, что под ними залегли морщины глубиной в целую жизнь.

– Да мы даже еще не начинали, дядя Лёва. Просто Микроскоп опять нарывается.

Лев Тимурович горестно вздохнул, выразив этим свое отношение и к своим попутчикам, и ко всему миру.

Лицо его закрывала противопыльная маска, которая защищала хуже, чем респиратор с очками. Но дядя Лёва, бывший зубной врач, говорил, что в его возрасте и в их ситуации лишний год-другой ничего не меняют.

– Пойдемте лучше прогуляемся. – Из Льва Тимуровича получился бы хороший миротворец. – Какой смысл в «трубе» сидеть? Пошли на нашу точку.

Действительно, смысла не было. Отсюда разглядеть что-либо было почти невозможно. Тем более, тучи снова схлопнулись, и полоса чистого неба исчезла.

– Лучше забраться на вышку. Там можно будет включить прожектор. Оттуда хороший обзор, – предложил дядя Лёва.

«Ага. Залезть и быть как на ладони для любого, кто умеет держать автомат. Инстинкт глуп. Он говорит, что все плохое может скрываться только в темноте. А свет дает защиту и безопасность. Инстинкт не знает про огнестрельное оружие и про то, что дикие звери – это не единственное, чего надо опасаться дозорным. А кого еще, кроме диких зверей, испугает электрический свет? Да и не всех зверей он может испугать. Особенно если речь идет не об обычных зверях».

Снова наплывала тьма. Ее полосы, как щупальца спрута, уже перелезли через наружную стену и подбирались к «тру-

бе», огибая стены домов.

Где-то в доме Тимофеевых залаяла собака. Джек был средних размеров немецкой овчаркой, похожей на ту, которая сыграла в фильме «Комиссар Рекс». Если бы он был человеком, то считался бы уже пенсионером.

– На хрена его держат? – проворчал Жиган. – Только продукты переводит. Все равно он с улицы запаха не чует, сидя взаперти. Я бы из него антрекот нарезал.

– Семеныч говорит, надо беречь. Все-таки сторож. Чутье имеет, – вздохнул стоматолог. – С ним спокойнее.

А Малютин подумал, что кобеля берегли не только поэтому. Это был единственный пес еще из того, прошлого мира. Единственный от помета из пяти щенков, который еще жил. Его родители, которых они нашли тут, когда заселились, закончили свой собачий век давно и ушли вдоль по радуге. И все сестры и братья тоже ушли один за другим.

«Жаль, что Джой и Линда не могли рассказать нам, что здесь произошло».

В этот момент животное залаяло громче, подвывая.

– Он что, себя волком считает? Вроде не полнолуние. Пристрелил бы его кто-нибудь, что ли, – не унимался Жиган. Он хрюкнул как заядлый курильщик, собирающийся сплюнуть.

– Не только собаку можно пристрелить... как собаку, – усмехнулся Малютин и бодро засвистел.

По крайней мере, на полчаса глупые приколы прекратились. Хорошо было иметь репутацию опасного неадеквата.

Раньше здесь были камеры наблюдения. Работай они сейчас, дежурства никому бы и в голову не пришло организовать. Оператор сидел бы в тепле в кресле, в Клубе на втором этаже, где стоял компьютер, и видел бы все, что делается по периметру поселка. Камеры по-прежнему торчали на стене, и даже поворотные механизмы их были исправны. Но к тому моменту, когда они заселились в Мирный, система была бесповоротно мертва.

Сервер, на который шел сигнал от всех лучей охранной сигнализации и видеонаблюдения, был выведен из строя путем вырывания проводов из блока питания.

Наверно кому-то надоело, что дефицитную энергию тратят на ерунду, вот они и решили проблему радикально. А может, кому-то из прежних обитателей было что скрывать.

Из «трубы» наружу вело всего два выхода. Они воспользовались северным. Открыв задвижки, отодвинули дверь и быстро закрыли за собой.

Пошли, ступая след в след, вдоль стены с внутренней стороны.

Под ногами хлюпала грязь, когда ее месили две пары сапог и одна пара бахил от ОЗК. Бурая гнилая трава сминалась под ними. Мерзко чавкала глина, оставшаяся после спешно законченной здесь стройки.

Стена стояла на невысокой насыпи, и отсюда весь поселок был на ладони, как игрушечный: вот двухэтажный панельный Клуб – с виду как сельская школа; вот приземистый кир-

пичный корпус с покатой, как у ангара, крышей – это Склад, вернее, только его надземная часть (там под землей было еще целых два этажа, где хранились запасы). Здание Фермы было самым большим по площади – под крышей отгородили целый участок под поле. Мечта юного мичуринца. Было там и оранжерейное отделение, и блок гидропонных культур. В отдельные клетушки была посажена грибница. Каждый год они собирали неплохие для такой скромной площади урожаи. Вся зеленая масса растений, которая не шла в пищу, измельчалась и шла на удобрение.

Все это досталось им в полумертвом состоянии. Еще бы. Целый месяц поселок пустовал. Но каким-то чудом, не без участия Николая, большую часть культур удалось сохранить. Этого было мало, чтобы прокормить всех. Но недостаток витаминов компенсировало. Зубы у них, по крайней мере, пока не выпадали.

А снаружи биота была почти уничтожена. Радиационный шок и заражение местности убили девяносто процентов видов растений.

«Просто трупы некоторых многолетних растений, одревенев, могут стоять, даже когда внутри них уже нет ничего живого. Страшно представить, на что была бы похожа Земля, если бы люди имели такую способность».

Он представил себе города, полные скелетов, стоящих в тех позах, в каких их застала ядерная смерть.

«И почему люди думают, что я сумасшедший? Хе-хе».

По лестнице взбирались по очереди. Замыкающий поднял ее нижнюю секцию за собой. На площадке можно было присесть на деревянные ящики и перевести дух. Тут были даже оставленные кем-то давно шашки в коробке и колода карт.

Луч прожектора прорезал тьму, заставил ее отступить. Но он же заставил людей почувствовать, насколько они беззащитны посреди этой мертвой равнины.

Кабель тянулся сюда с земли. С каждым днем было все труднее находить дизельное топливо. Выручали только ветряки. В отличие от простаивающих на крыше без пользы солнечных панелей. Уж чего-чего, а ветра было с избытком.

Так высоко над уровнем земли можно было и противогазы снять. Подышать и даже покурить. Ведь дождя давно не было, а ветер сегодня дул не московский. Северо-восточный. Правда, теплым он не был. Первым делом Жиган смачно сплюнул вниз.

Так прошло несколько часов. Время тянулось медленно, как патока.

– Не по себе мне чего-то, – вслух сказал дядя Лёва, и, похоже, выразил общую мысль.

Страха не было. Но чувствовалось напряжение. И оно было вызвано чем-то внешним, не связанным с натянутыми отношениями между ними. За это время они привыкли друг к другу и знали всех как облупленных.

Луч прожектора ощупывал окрестности. Не раз и не два мерещились им в какой-нибудь коряге или пне страшные об-

разы. Каждому свои.

И в какой-то момент сам собой начался разговор о том, о чем они говорили частенько.

– А как вы думаете, мужики, что с ними случилось?

Начал, конечно, Жиган. Только он мог не чувствовать, что лучше помолчать.

– Роанок. «Мария Целеста». Норфолкский полк, – неожиданно поддержал разговор старый стоматолог. – Бермудский треугольник. Есть многое на свете, друг Меркуцио... Как-то так.

– Чепуха, – фыркнул Малютин, повернув прожектор так, чтоб было видно заржавевший трактор – его ориентир. – У любого исчезновения есть причины. Британцев убили турки, «Целесту» покинули в шлюпке, опасаясь, что в трюме взорвутся спиртовые испарения, а потом лодка затонула. Роанок просто вымер от голода. Что, если эти люди просто пошли в лес и коллективно совершили «Роскомнадзор»?

Журналистский эвфемизм для слова «суицид».

– Да, у них был миллион причин, чтобы умереть. Но зачем для этого идти в лес? – побил его довод умный, словно инквизитор, зубной врач.

– Верно. Можно было и в Клубе собраться, как сектанты, или даже дома всем таблетки принять.

– Мерячение, – произнес всего одно слово Лев Тимурович, глядя куда-то вдаль.

– Чего? – не понял Жиган.

Да и Малютин этот термин не смог вспомнить.

– Полярный психоз. Человек – существо социальное. В безлюдных пространствах... и даже в малолюдных, человек... здоровый человек... постепенно теряет рассудок. Начинает повторять бессмысленные движения. Бормотать чушь. Может устремиться неведомо куда, как лемминг. И погибнуть. Эту болезнь хорошо знали коренные жители севера. Полярникам она тоже хорошо известна. А может, здесь дело не в безлюдье. А в магнитных полях. Но и в этом случае мы под угрозой. Ведь про влияние электромагнитного импульса на психику написано много.

– Это не доказано, – продолжал изображать скептика Николай. – Человек... не компьютер с микросхемами.

Хотя сам он считал, что человеческий мозг ничуть не совершеннее компьютера.

– Ну, вы олени. – Жиган вдруг стукнул кулаком по столу так, что собеседники подпрыгнули. – Если бы они не ушли... нам бы пришлось с ними драться. За эти дома, за запасы! Резать их бы пришлось. И не факт, что мы победили бы.

Да. Они, нынешние жители Мирного, не строили эти дома и не покупали их. Они пришли на все готовое. Им просто повезло. Они пережили первые одиннадцать жутких лет в убежище, которое находилось в подвале стратегического завода, производившего резинотехнические изделия. Любые, начиная от презервативов и заканчивая промышленными противогазами и детскими защитными камерами. Это такая

штука, куда можно упаковать ребенка до полутора лет, чтоб можно было брать его с собой в зону ядерного заражения. Некоторые из их группы на этом заводе работали, другие, включая самого Малютина, прибились со стороны.

Но потом убежище пришлось оставить. И им повезло, что тот самый Никитич во время вылазки наткнулся на этот поселок.

Уже потом они нашли там много оружия, в том числе автоматического. И все оно так и осталось целехоньким. Когда взломали оружейную комнату, то обнаружили в ней запечатанные цинки с патронами, штабеля винтовок, новенькие «калашниковы».

Само поселение казалось абсолютно нетронутым. Никаких следов борьбы. Только в одном доме – осколки стекла и пятна старой запекшейся крови. Кто-то, видимо, упал и поранился, опрокинув невысокий стеклянный шкафчик, будто так торопился к выходу, что налетел на него.

И все выглядело так, будто было покинуто в страшной спешке. Уже открытые консервные банки никто не забрал с собой.

Вначале они решили, что тел в городке нет. Потом нашли в одном из домов высохшую мумию древней старухи. А в другом – забытого в запертой комнате мертвого младенца примерно года от роду. И под конец – двух истощенных полумертвых собак, кобеля и суку, которые даже лаять уже не могли.

Будь у них выбор, они бы не остались в этом месте. Но не в их положении можно было копать и привередничать. И за последующие десять лет они об этом не пожалели. Если не считать исчезновений, их ничто не тревожило.

Николай подумал, что он будет первым, кто узнает секрет. Даже если ответ будет банален... в чем он почти не сомневался. Он много читал про массовые самоубийства. Такой пример может быть заразительным. Инстинкт самосохранения проще отключить, видя чей-то пример.

Задумавшись, он не заметил, что Жиган с дантистом уже переключились на обсуждение оружия Последней войны.

– Ну зачем кидать на столицу?! Такую бомбу! Чтоб навечно стояла ничья?! – зубной врач говорил на повышенных тонах, что было для него не типично. – Тем более до них самих зараза рано или поздно дошла бы по атмосфере.

– А я говорю, сбросили, – не унимался Жиган. – Пиндосы.

– Сбросили, чтоб сердце России погубить. – Сарказм в собственных словах показался Николаю слишком ядовитым.

– Ну ты даешь, Петросян, – хлопнул его по плечу Жиган. – Если бы америкосы ограничились Москвой... да большинство русских людей им бы в ноги поклонились. Но они хотели нас всех уделать. До последнего... У, сукины дети! – Он погрозил кулаком низкому непроницаемому небу, затянутому тучами.

– Э-э-э! – вдруг, заикаясь, заговорил стоматолог. – А ну поглядите! Там... там.

– Да где? Поверни луч. Эх, сейчас бы прибор ночного видения...

Прожектор со скрипом повернулся в нужную сторону, и дозорные остолбенели. Если бы винтовка не висела у Малютина на ремне, она бы выпала из его рук.

Посреди подъездной дороги, которая соединяла поселок со скоростным шоссе, шагал, спотыкаясь, темный силуэт. Человек. Без защиты. С непокрытой головой. Были хорошо заметны растрепанные волосы. Полуголый, вздутый. С обвисшими складками старой морщинистой кожи.

Все они трое вскрикнули одновременно, а Жиган дернулся так, что чуть не сломал самодельные перила и не полетел вниз.

Николай пришел в себя первым. Быстро слетев по лестнице с площадки, он в два счета догнал силуэт – до того, как тот взобрался на насыпь шоссе. Еще немного – и тот бы скрылся за навечно застрявшей фурой, в которой двадцать лет назад перевозили мебель от IKEA, и найти его в темноте было бы уже почти невозможно.

Но когда Малютина оставалось добежать всего пару метров до быстро удаляющегося человека, тот вдруг оступился – нога попала в яму на асфальте – и упал плашмя.

Старуха. В одной старой сорочке и смешных растянутых панталонах.

В этот момент товарищи догнали Николая. Он заметил, что оба дышат тяжело даже после такой небольшой пробеж-

ки.

Что ж, никто из них не молодец. И поэтому называть старухой эту женщину было бы не очень честно. В их ситуации год шел за два. Или даже за три.

– А ну, приведи ее в чувство, док. Жаль, что у тебя нет с собой ни одного из твоих инструментов, хе-хе, – смех Жигана явно был натужный, потому что все трое были, что называется, «на измене». – Еще чудо, что мы не начали стрелять. Эх, бабка! Ты какого черта сюда вышла? Да еще раздевая? Ты вообще, что ли, «того»? Жить надоело? – пытался докричаться мужик до бабули.

Но она не слышала его. Не реагировала.

Ни вода из фляжки, ни нашатырь в чувство ее не привели. Хотя упала она на мягкий ковер из листьев и грязи и не могла сильно ушибиться.

Хлоп. Неожиданно для всех всегда такой вежливый и предупредительный зубной врач отвесил ей слабую, но хлесткую пощечину. Но она и после этого не пришла в себя.

Естественно, Николай сразу узнал ее. Это была Галина Дмитриевна. Бывшая учительница музыки. Дочка ее с ним на ферме работала.

– Жиган, беги к Семенычу, – зубной врач начал давать им четкие команды. – Пусть носилки принесут. Надо ее в Клуб отнести. И Ольке сообщите. Скажи, мать совсем плоха! Мы ее тут покараулим. Вон... она встать пытается! Колян, держи ее, а то она себе только навредит! – крикнул он Малютину,

и вместе они зафиксировали женщине голову, чтоб она не разбила ее об асфальт в неудачных попытках подняться. – Что она там бормочет?

Николай наклонился к самой груди женщины, приблизил ухо.

– Говорит, позвали ее куда-то.

– Кто позвал? – в один голос спросили и Жиган, не успевший далеко отойти, и дантист. – Кто?

– Бог.

Интерлюдия 4

Эксперимент, день второй

Май 2013 г.

Весь день у него брали анализы: некоторые унижительные, другие болезненные. Осматривали его, как лошадь на ярмарке. «Врачи-убийцы», как про себя он назвал этих людей, которым теперь принадлежала его жизнь, обращались с ним корректно. Их было не меньше четырех, но с ним постоянно имели контакт только двое – один его ровесник, другой пожилой. Хотя были и другие. В первый же день, когда он попытался качать права, старший из «врачей» нажал на кнопку, и через считанные секунды в комнату вбежал здоровый мужик в камуфляже.

«Поучи его порядку, Петя».

Набитый песком мешочек наносил болезненные удары, но не оставлял синяков. Вина пленника была в том, что он недостаточно быстро выполнял требования ученых. А эти люди явно были не медработниками. Тот же мужик отконвоировал его в операционный зал. Здесь осмотр продолжился уже с применением аппаратуры.

Зато по возвращении в «камеру» ему дали матрас и даже тонкое одеяло. Здесь, в отличие от тюрьмы, где его окружал

миллион запретов, никому не было дела до того, что он делает в своей комнате. Можно было даже лежать днем на кровати. И не надо было держать руки на виду.

Все было бы хорошо, если бы не страх.

Утром кто-то начал кричать. Крики были пронзительные и отрывистые, звенящие почти ультразвуком, и непонятно было, человек это кричит или животное. Через пять минут от них странно заболела голова.

Похоже, хозяевам это тоже не понравилось. Их шаги заключенный услышал в коридоре. Вскоре крики прекратились.

«Мартышки».

Так могли кричать мартышки. Ни один человек такие звуки издавать не смог бы.

Утром его везли по коридору мимо клеток, стоящих за проволочной загородкой. Они были задернуты непрозрачной материей. Но в одном месте край ее сбился, открывая взору две клетки, в которых сидели маленькие обезьянки.

«Это не мартышки, – вспомнил он из курса школьных знаний. – Резусы». Он даже улыбнулся, когда их увидел.

«Резусы бывают отрицательные и положительные».

Ручки у них были совсем как у людей – голые. А шерсть на лапках – как манжеты.

Одно из тех существ, что он увидел, точно могло бы зваться отрицательным. Глаза у этого создания были почти белыми, а кожа, проступающая через редкую шерсть – грязно-бу-

рой. И вело оно себя странно. Если другой малыш чесался и тревожно смотрел сквозь прутья, то этот методично раскачивался. Как маятник. Как метроном. А потом стал повторять одинаковые движения, поворачивая голову из стороны в сторону, как заводная игрушка.

Зомби?.. Он сразу подумал о них. Любой бы подумал. Но правда была еще страшнее и пугала его до дрожи, до икоты.

«Мама, мама, мамочка...» – запричитал маленький человек, который прятался внутри него, внутри зверя, убийцы, который никого не убивал и только с ужасом следил, как тот, другой в нем, делал страшные вещи с теми женщинами.

«Оружие. Химическое или бактериологическое, – внезапно осенило его. – Здесь испытывают токсин или вирус, избирательно воздействующий на нервную систему». Все-таки он был не совсем дурак и имел высшее образование.

Агрессивным животное не выглядело. Скорее, заторможенным. Но здоровая обезьянка старалась держаться от странного собрата подальше, жалась в другой конец своей клетки. Видимо, такое поведение ее пугало. И ее можно было понять.

Иисусе, сыне божий, суций на небесах, где предел этому кошмару? Сейчас он был бы рад и отцу Андрию с его проповедями. И не дерзил бы, а упал бы на колени и каялся, весь в слезах и соплях. Может и правда не он убивал, а вошедший в него бес?

Если бы у него был выбор... он согласился бы на что

угодно, лишь бы не попадать сюда. Но альтернативой была смерть в тюрьме через год или два.

Узник не мог разобраться, что для него хуже. Да, здесь его не били дубинкой. И не заставляли стоять, уткнувшись головой в стену, открыв рот и растопырив пальцы, как лягушка, пока надзиратели обыскивали камеру. А еще тут кормили лучше.

Но здесь было темно, и страшно, и сыро. И пахло, как в могиле. И эти люди... Хоть они и обещали сохранить ему жизнь и помочь с пересмотром дела... чтоб он оказался в психиатрической лечебнице, где у него был бы шанс хоть через 20 лет, но выйти... на свободу.

Но он им не верил. Пока они только брали у него кровь, лимфу, слюну, мазки, даже какую-то жидкость из позвоночника. Но явно собирались делать с ним и более плохие вещи. Они...

Но самым страшным, конечно, были эти дети. Лучше бы он их не видел.

«Почему они так на меня смотрят? Я никогда не обижал детишек. Даже девочек. Их нельзя обижать. Маленьким я всегда на улицах улыбался, и даже конфетки бы покупал, если бы их мам и пап рядом не было. Просто так, без всякого умысла. Так почему они так на меня смотрят?»

Глава 3

Вторник, утро

– Прах мы есть и во прах возвратимся. Аминь. – В этот раз речь держал Семеныч, он же бросил первую горсть земли в неглубокую могилу.

Настоящего священника у них не было, поэтому на каждых похоронах говорили в основном то, что удержалось в голове еще с прошлой жизни, – чаще всего фразы из соответствующих киноэпизодов.

Церемония была быстрой. Снаружи никто не хотел находиться даже в безветренные дни, даже когда с неба не падало ни капли. Да и не ритуал это был, а просто утилитарное действие. Мертвое – к мертвому. Останки – земле.

С инсультом шутки плохи. Он и раньше сводил в могилу людей даже молодых. Даже без тех стрессов, которые выпали на долю уцелевших в самой страшной бойне в истории.

Заплаканная Ольга стояла рядом и тряслась. Николаю хотелось ее утешить, но он не мог подобрать слов. За эти годы уходили на его глазах и те, кому еще было жить да жить. Не каждый мог похвастаться, что дожил до шестидесяти с лишним лет.

Огороженный уголок на бывшем картофельном поле был новым кладбищем. Старое находилось за пару километров, и

пользоваться им было теперь неудобно. А это – всего в двух шагах от стены поселка. Тут из земли торчали простые деревянные кресты с самодельными табличками.

Когда все они ушли, спеша быстро спрятаться под пленкой «трубы», Николай воровато огляделся. Убедившись, что все скрылись из виду, он поднял лопату и направился в другой конец огороженного хлипким заборчиком участка земли, где за двадцать лет обрели покой уже двадцать семь человек. Первые могилы появились здесь до прихода новых жителей.

Две из них были расположены отдельно от других, у самого забора. Между ними оставалось свободное место, пяточок земли. Именно туда он и направился.

«Екатерина Горелова (2011–2019)» – гласила табличка на первом из могильных камней. На втором, побольше, значилось – «Вера Горелова (1980–2017)». Это были действительно камни, которые кто-то не поленился привезти или приволочь сюда.

Между ними был ровный участок земли, где Николай и принялся копать. Откинув несколько лопат мягкого грунта, он услышал стук металла о металл. Там оказался железный ящик. А в нем – пакет из плотного полиэтилена.

– Да что это за барахло? – ворчал Малютин, распоров пакет и роясь в содержимом. – Думал, тут что-то полезное... Оружие, например, патроны. А тут... бумаги.

Это были толстые папки проектных документов, многие

из которых имели гриф «совершенно секретно».

«Какие-то вертолеты, суда на воздушных подушках... кому это теперь нужно?» – разочарованно подумал он.

Из пакета на траву выпал диск в коробочке. Николай машинально сунул его обратно.

– *Второе место в первом ряду, если смотреть от входа.* Так ты написал в дневнике? – вслух проговорил он. – А я ведь уже несколько кинотеатров облазил. Даже в Сергиев Посад ездил. Заглядывал под сиденья. Очень уж мне было интересно, что ты спрятал. И ничего не нашел. Потому что ты имел в виду не такое «место». А разгадка – вот она... под носом. Вот только в тайнике оказалось не то, что я искал. Не полезные вещи. И не материалы по истории этого поселка. И даже не сентиментальные записи поехавшего умом инженера-программиста. Тогда я хотя бы скоротал пару вечеров. А тут просто старые рабочие документы, которые человек спасал в последний день, явно жизнью рискуя... Жаль дурака.

Придя домой после целого дня работы на ферме, Николай оставил грязный пакет снаружи, чтобы потом как следует сполоснуть из шланга. С собой он взял только диск.

Две недели назад он подзаряжал ноутбук, и одна полоска заряда еще оставалась. «Может, мне повезет, – надеялся он, – и железяка пойдет навстречу моему любопытству?»

Идти в Клуб, где было нормальное оборудование, ему совершенно не хотелось.

Экран ожил, являя взору логотип компании давно почившего Билла Гейтса. Пропустив все лишнее, Николай сразу загрузил диск и открыл видеофайл. И тут же комнату затопил шум винтов и вой ветра.

Весь экран заняла панорама. Камера неслась над полями и лентой многополосной дороги. На горизонте, наполовину скрытом пеленой серых облаков, выплывали из дымки силуэты зданий. Они казались игрушечными, но, судя по пропорциям, были двадцати- или тридцатипятиэтажными. С высоты птичьего полета машины все – машины, дачи и таун-хаусы – казалось деталями конструктора «Лего».

– Твою ж мать! – Малютин хлопнул себя по лбу. – Так вот что это был за странный самолетик без пилотской кабины, который я нашел на шоссе в километре отсюда. Вроде бы МЧС использовало такие для мониторинга лесных массивов в пожароопасный период.

Он вспомнил фотографию этого Горелова. Кстати, какая говорящая фамилия была у этого программиста-проектировщика, что жил в его доме раньше и вел дневник!

Когда Николай только начал читать эти записи, он представлял себе их автора таким нестриженным раздолбаем в растянутой толстовке. Или металлистом с пивным брюхом в майке «Iron Maiden», рано облысевшим и одутловатым. Но с фотографии, лежащей в пакете, на Малютина смотрел се-

рзный мужчина в спецовке и белой каске с эмблемой концерна, выпускавшего боевые вертолеты, с короткой стрижкой, по-военному подтянутый. «Наверно оптимист, патриот, отличный работник и семьянин. Не то, что некоторые... – подумал Николай. – Понятно теперь, почему он с такой методичностью смог отремонтировать, заправить, привезти на грузовичке к точке запуска свой аппарат. И запустить его к Москве. Но зачем?»

А зачем он сам, Николай Малютин, проводил динамику популяции растений? В мире, где больше не было логики и смысла, любое сложное действие приобретало самодовлеющую ценность – занять человека, не дать хаосу овладеть им, придать, пусть временно, смысл его существованию и стройность его мыслям.

«А может, Горелов хотел выйти на связь с органами власти? И, отчаявшись, достучаться по радио сквозь бури помех хоть до кого-нибудь, хотел убедиться, что в центре столицы есть хоть что-то, кроме шлака».

Город на экране медленно приближался. Мелькали квадраты полей.

Видео занимало почти три часа.

«Подключите зарядное устройство. Уровень заряда батареи – 5 %» – начал протестовать ноутбук.

«Значит, в моем распоряжении всего несколько минут». Николай перемотал видео ближе к концу и уставился на экран. И ахнул.

Перед его глазами раскинулась Москва. Теперь беспилотник летел уже над Новым Арбатом, в западном направлении. Малютин безошибочно узнал знакомые высотные дома. Здесь машин было еще больше – сплошной ковер из машин, железная река в бетонных берегах.

К вою и свисту теперь примешивался какой-то гул. Изображение подрагивало. Видимо, погода портилась, и восходящие потоки воздуха трепали маленький самолетик.

Гул был настолько сильным, что Николай отключил звук. Казалось, завывал голодный раненый зверь. Промотал еще немного. Теперь на записи петляла лента Москвы-реки и переулки центра столицы.

У Васильевского спуска аппарат начал снижать скорость. Глядя на Красную площадь, разглядывая похожий на елочную игрушку Исторический музей и медленно приближающийся Кремль, Николай вспомнил анекдот про стюардессу, которая убеждала пассажиров лайнера пристегнуть ремни: мол, иначе после жесткой посадки их размажет по салону, а те, которые пристегнутся, будут сидеть «как живые».

Конечно, столица пострадала. Но не так, как он думал. Если некоторые здания на Новом Арбате рухнули, то цитадель государственной власти осталась почти нетронутой. Даже кремлевские звезды, как ему показалось, были на месте.

Но только идиот мог увидеть в этом повод для оптимизма. «О чем думал этот человек, похоронивший на картофельном поле свою семью? И потративший не один день на та-

кое бесполезное дело, как подготовка этого мини-самолета к пуску. Хотел убедиться, что все не зря? Что Родина не погибла? Что те, кому надо, спаслись через систему подземных туннелей? Что помощь для всех, кто сейчас вымирает от радиации – когда-нибудь придет? Что страна возродится как феникс? Что враг будет разбит? Нет ответа. И не у кого спросить. Мне бы его простоту. Мне бы его веру. Мы бы его уверенность в себе».

Николай снова перевел взгляд на пыльный исцарапанный экран. Аппарат уже ложился на обратный курс и был где-то в районе Китай-города. Малютин хотел посмотреть на Лубянку, но внезапно остолбенел, увидев на записи какой-то объект на проезжей части, который сразу привлек его внимание. Движущийся объект.

Николай протер глаза. Разрешение оптики у аппарата было отменным, поэтому даже с высоты в сотню метров можно было рассмотреть такие детали.

Посреди проспекта, обходя автомобили, брел человек в костюме химзащиты.

Но и это было еще не все. Недалеко от человека, между капотами двух соседних машин застыла странная бесформенная тень, похожая на очертания уродливой искаженной фигуры. Не человеческой.

И в этот момент экран погас. Заряд закончился.

– Твою ж мать... Твою мать!

На самом интересном месте.

А ведь там был еще один видеофайл, датированный более поздним числом.

«Похоже, придется опять выползать из своей раковины».

Малютин не горел желанием делиться своим открытием с другими.

«Им оно особо не поможет, зато от глупых вопросов отбою не будет. Людей ведь хлебом не корми, дай потеоретизировать о том, что в столице, в стране, в мире происходит... Еще и ноутбук могут забрать, если дойдет до Семенича. Увы, Ваську сейчас можно найти именно на Складе. Чего-то он там ремонтирует. Вроде бы прохудилась крыша, и дождь успел намочить проводку. А без Васьки батарею не зарядишь. Каждый киловатт энергии на вес золота, и доступ к розетке строго лимитирован».

Идти на Склад не хотелось, потому что был риск снова столкнуться с Мариной. А после того, чем завершился их последний разговор, им надо было отдохнуть друг от друга хотя бы дней пять.

Разбитую чашку не склеишь. Он один раз в детстве пытался – это был подарок от девчонки, которую он по подростковой наивности считал своей возлюбленной. Их жизненные пути, как это бывает, «разошлись по воле обстоятельств». Отец ее был военный, и их семья переехала на Дальний Во-

сток: то ли на Сахалин, то ли вовсе на Курилы.

Он соврал бы, если бы сказал, что ему интересно, как сложилась ее жизнь и что с ней случилось в 2013 году.

А кружка та держалась хорошо – пока в нее не налили горячий чай. После этого она развалилась прямо в руках.

А сейчас все они, выжившие, были отрезанными кусками, словно вышедшими из-под пилы маньяка из фильма ужасов. И как они ни пытались прирасти друг к другу, сшить из себя что-то новое... ничего у них не получалось. Может, живи они среди зелени под голубым небом или на острове с лазоревым океаном, с шелестом прибоя, с мягким песочком, тогда у их общины все было бы нормально: и дети бы рождались, и грызлись бы меньше, и была бы надежда на будущее...

Но они жили под радиоактивным небом в железобетонном муравейнике, построенном для эвакуации каких-то военных чинов. Явно не старших. Тех бы вывезли и спрятали подальше. Наверняка средних, которым надлежало находиться поближе к месту проведения аварийно-спасательных работ в столице.

«Всё они знали. И готовились. Я не верю в случайности типа внезапного пуска ракет. Они знали, что это случится. Вот только получилось все не по их планам».

Беззлобно матерясь, Малютин оделся, надел в шлюзе дождевик, и вышел в промозглую сырость.

Интерлюдия 5

Мутаген

Теплое течение омывало берег острова, образованного цепью выступающих из воды скал.

Это были вершины древних гор, хребта, который поднялся на месте столкновения литосферных плит, когда еще никакого моря здесь не было. Сам остров был крохотный – пара квадратных километров суши. Голые камни, на которых лишь кое-где сумели закрепиться жесткие карликовые кустарники, лишайники и мхи. Здесь не было даже песчаной отмели – там, где заканчивались острые утесы, сразу за обрывом начиналось море.

Только птичий помет, копившийся годами и нарастающий толстым слоем на пологих участках, показывал, что остров обитаем, хотя и населен не людьми.

«Птичий базар», который занимал весь островок, очень напоминал базар настоящий, человеческий – ором, гамом, хаосом и дикой животной энергией. Здесь гнездились десятки и сотни видов пернатых, многие из которых были занесены людьми в Красную книгу. Сюда птицы прилетали каждую весну, в заложенное в них биологическим таймером время. Здесь они выводили птенцов уже не одну тысячу лет.

И все это закончилось за один день. В считанные часы.

Темное облако пришло с юга, со стороны материка. Внешне оно казалось обычным, как сотни других до него, уже приходивших в этом году и приносивших дожди, которые давали островку столь нужную ему пресную воду.

Птицы ничего не заподозрили, хотя еще неделю назад от их зорких глаз не ускользнули странные вспышки и огненные всполохи в небе – с той стороны, где широкий пролив отделял остров от северной оконечности огромного континента. Далекий грохот пернатые тоже слышали, но не придали ему значения. Их память и даже их инстинкты ничего подсказать им не могли, потому что данное событие аналогов не имело. Громыхало несколько суток.

И вдруг вместе с первыми каплями пролившегося с неба дождя на скалистом островке начался ад. В этот раз дождь принес не жизнь, а смерть.

Птицы погибали в страшных муках. Кто-то просто застыл после долгой агонии. Некоторые взлетали и до последнего металась в воздухе, натываясь на скалы, прежде чем упасть в темную воду. Умирили в гнездах, умирали, не доев выловленную рыбину. Не прошло и суток, как все живое на острове погибло.

И только прилив оживлял картину опустошения на бывшем птичьем гнездовье, ставшем теперь кладбищем.

Так прошло несколько дней. Ни звука не раздавалось на острове, кроме шума ветра и плеска волн.

Первым вестником новой жизни стало постукивание клю-

вом о скорлупу.

Это гнездо уцелело, потому что было устроено глубоко в скальной расщелине. Его миновали первые радиоактивные дожди, сделавшие остров стерильным от жизни. Но когда ветер сменился и с востока пришло второе облако, дождь уже обильно полил кладку крупных пятнистых яиц полярной птицы. Эта вода почти не несла в себе радиоактивных частиц. Но в ней содержалось кое-что другое. То, что попало в нее с соседнего острова.

Одна из бомб, не сброшенная, а спустившаяся на него с парашютом, потому что резкое падение могло повредить ее содержимое, содержала в себе еще не применявшийся ранее боевой токсин мутагенного действия. В эти дни последней эскалации, когда ядерные «грибы» один за другим вспухали над городами, в ход шло уже все, даже новые разработки.

Людей на военной базе, где стояла радиолокационная станция, токсин убил очень быстро, вызвав у них перерождение нервных волокон. А дальше воздушные течения подхватили вирус (или лучше сказать, «псевдовирус») – не живой, как и все вирусы, но несущий одним смерть, а другим – изменение. Возможно, были и другие, подобные ему микроорганизмы, выпущенные или вырвавшиеся на свободу в разных концах мира.

Яйцо треснуло и раскололось пополам, и на свободу с трудом выбрался необычно крупный голый птенец, весь покрытый черной слизью. Он сразу разинул белесый клюв и пронзительно запищал.

Но никто не приходил. Никого не было рядом.

Тогда это странное, гротескное существо с прозрачной кожей, под которой можно было разглядеть кровеносные сосуды, приподнялось на недоразвитых крылышках над подстилкой гнезда.

Его красные с прожилками глаза нашли еду, сфокусировались на ней. Это была успевшая протухнуть рыбина, принесенная перед смертью высиживавшей его матерью. Существо с трудом подползло к рыбе, оставляя за собой полосу слизи. Разинуло клюв и сразу откусило половину. Вскоре тухлая треска целиком исчезла в его пасти.

Выпив глоток скопившейся во впадинке воды, оно нашло уголок потеплее и зарылось в теплый пух на дне гнезда. И заснуло. Во сне оно прибавило в весе. И проснулось снова голодным.

Уже через день после появления на свет существо принялось пожирать трупы погибших сородичей и других птиц. Все первые недели оно набирало массу быстрее, чем бройлерный цыпленок. Его костяк окреп, обрастая могучими

мышцами. Оно было постоянно голодным, бешеный метаболизм заставлял его пожирать все – и живое, и мертвое: дохлых птиц, морскую рыбу – и барахтающуюся, и плавающую кверху брюхом. А вскоре существо стало достаточно крупным, чтоб хватать и слабых от лучевой болезни морских котиков, когда они выбирались на сушу.

Оно было не падальщиком, а хищником, но куда более неразборчивым, чем его мать. Ферменты в желудке позволяли ему переваривать даже кости крупных животных.

Оно было похоже на птицу. Но назвать его птицей значило погрешить против истины.

Создание было теплокровным, и это, вместе с его ускоренным энергообменом, позволяло ему не бояться умеренных морозов и не терять активности при минусовых температурах. Сердце у него было, как и у птиц, четырехкамерным. Но в облике были заметны рудиментарные черты птичьих предков – рептилий. Подобно тому, как зародыш повторяет в своем развитии ход эволюции, в этой твари было что-то от древних летающих ящеров. Хотя, конечно, полным это подобие не было.

Вначале он ходил, как страус, на своих голенастых ногах, но уже через пару дней встал на крыло – сначала робко, потом все увереннее. Он казался голым, вместо перьев его кожа была покрыта плотным, но легким покровом из сросшихся перышек и пуха, внешне похожим на бугристую грубую шкуру носорога. Полет давался ему хуже, чем птицам, но недо-

статок маневренности он компенсировал размером и силой. Размах крыльев у него был уже больше, чем у альбатроса, а вес – больше, чем у кондора.

И он продолжал расти дальше.

Облетев покрытую мертвыми разлагающимися телами птиц скалу, он понял, что не один на острове. Здесь обитало еще несколько десятков тварей, подобных ему или немного отличающихся. С некоторыми из них он потом будет драться за еду и территорию. С другими станет спариваться, чтобы дать жизнь таким же, как он.

Как и все новое и неотработанное, эта жизнь была нестабильной. То и дело некоторые из его собратьев гибли, когда их клетки внезапно сходили с ума и начинали делиться уже без всякого плана, как раковые. По сравнению с плавным течением эволюции вихрь мутаций был все равно что спринтерский бег рядом с движением улитки – можно сгореть легко и сойти с дистанции.

Но этому созданию повезло дожить до половой зрелости.

А через несколько месяцев, когда ночи стали длиннее, а дни холоднее, генетическая память подсказала ему, что пора отправляться в дорогу. На юг, к теплым морям. Оглашая округу утробным клекотом, он расправил серые кожистые крылья и оторвался от земли, чтобы уже больше не возвращаться на эту скалу. В своем желудочно-кишечном тракте он нес бесчисленное множество копий того псевдовируса, который запустил, как лавину, процесс изменений в его организ-

ме, когда он еще был эмбрионом в яйце.

Вскоре «подарок» человеческого разума был разнесен и в другие уголки Земли. Теплое течение, омывавшее остров, помогло этому процессу. Ведь заразились далеко не только птичьи кладки, но и многие рыбы мальки, и колонии ракообразных, и еще многие морские обитатели.

Где-то там триллионы и триллионы организмов – от синих китов до крохотного планктона, от насекомых до крупных млекопитающих – получили свою дозу, достаточную для заражения. Большинство из них от этого просто умерли. Но небольшой процент не только выжил, но и получил конкурентные преимущества, вроде размера, силы или большей сопротивляемости радиации.

Некоторые из них сохранили способность иметь потомство, дав начало новым видам.

Получили вирус и многие люди: с дождем, через кружку выпитой воды, с поверхности съеденной пищи. Все они, если не умерли в первые часы, то потеряли разум и превратились в полуживотных, опасных для бывших собратьев. Разум – слишком тонкая вещь, чтобы сохраниться, когда меняется все, начиная от гормонов и заканчивая скелетом.

К 2033 году почти все формы мутагенных вирусов или распались, или закапсулировались. Активное видообразование закончилось. Новые существа утвердились в своих биологических нишах, заняв почти всю поверхность.

Так началась новая страница в биологической летописи

планеты Земля. Жаль, не было у остатков человечества своего Карла Линнея, который описал бы эту жизнь и составил бы ее атлас.

И если смотреть на события с позиции вселенной, то именно *Великое Изменение*, а не конфликт между несколькими странами и военными блоками, отправивший на дно Японские острова и опустошивший почти всю Евразию и Северную Америку, должно было войти в историю.

Течение несло его на юг.

Он – а может, она или оно – никогда не видел себе подобных. Да это и к лучшему – два таких существа не смогли бы мирно разойтись даже в открытом море.

В безбрежном, но бедном жизнью Тихом океане они неизбежно увидели бы друг в друге только добычу, и встреча закончилась бы кровавой битвой до полного истощения сил одного из них. А потом последовало бы долгое терзание и пожирание победителем своей жертвы – маленькая голова и узкое горло не позволили бы это сделать быстро. Да и зубы его были сравнительно невелики, хотя по мощности челюсти могли бы соперничать с промышленным прессом.

Но не было другого такого.

О своем прошлом он ничего не знал. Для этого его разум был слишком прост и примитивен. Он ощущал свое тело –

и на этом все.

Был ли он рожден уже таким, но меньшего размера, или же вылупился из икринки, а потом прошел ряд метаморфоз? Или уже во взрослом состоянии изменил форму и превратился в то, чем являлся сейчас? А может, он не родился на воле, а являлся продуктом экспериментов злого человеческого гения и ускользнул в океан из залитого водой лабораторного комплекса. Who knows?

Память левиафана была короткой – в ней держались считанные часы, а может, даже и минуты, как у большинства рыб. Хотя в его строении прослеживались черты рептилий и амфибий.

Но даже если бы его память могла хранить события за годы, он помнил бы только одиночное плавание под серым небом, изредка освещаемым призраками луны и солнца.

Бесконечный вояж длиной в десятки тысяч миль.

Чаще всего он плыл у самой поверхности, высунув голову, как перископ.

Иногда чудовищные вихри поднимались над пучиной океана, втягивая в себя десятки тонн воды. Ветер тогда хлестал особенно сильно, и морское чудище погружалось, потому что даже ему были неприятны эти удары воздушных потоков по его чувствительным глазам.

Иногда длинные молнии прорезали небо и били в самые высокие волны. Порой по поверхности океана, названного по недоразумению Тихим, перекатывались высокие валы, похо-

жие на бетонные дамбы. Но левиафану они были не страшны – он легко нырял на любую глубину, где никакой шторм его не доставал.

Среди пустынных песчаных и каменистых островов,azole покрытого сопками берега он чувствовал себя как дома. Впрочем, последние десять лет это и был его дом. Раньше монстр обитал у самой границы льдов, на севере. А еще раньше – у побережья совсем другого континента. Там морской зверь часто проплывал под разрушенными мостами, мимо огромных погибших кораблей в гаванях и в заливах, где на воду ложились тени остовов гигантских небоскребов. На вымерших берегах не было никакого движения. Лишь летучие существа, похожие на ящериц, изредка проносились среди обезображенных бетонных зданий.

Потом что-то позвало его в дорогу – сбой инстинкта или причуда геомагнетизма сошедшей с ума планеты. Он долго плыл среди некогда райских местечек – под падающим сверху косым дождем или серым снегом. Холод был ему не страшен, а океан не замерзал в этих широтах даже в самые суровые зимы. Его серая спина была похожа на плавучий остров или на надводную часть всплывшей субмарины.

По ночам его белесая туша слабо светилась в абсолютной темноте, в которой он легко мог ориентироваться, потому что ощущал магнитное поле Земли, как точный прибор.

Покрытое целым лесом наростов сизое брюхо колыхалось, и, когда существо погружалось в воду, маленькие ракообраз-

ные, питавшиеся на дне падалью, зарывались в песок, парализованные страхом. Где-то там лежали в песке и прогулочные катамараны, и яхты миллионеров, а порой и огромные подводные лодки.

В атоллы и на мелководье тварь не заходила – какое-то чутье ей подсказывало, что выбраться оттуда она уже не сможет. Но ей хватало глубин и морских просторов.

Наверно, от начала времен не было никого в мире более одинокого и более свободного.

Но крохотный мозг зверя был далек от философского созерцания и полон лишь простыми мыслями – о еде, еде, еде, еде...

Монстр постоянно рос, и чем тяжелее становился, тем больше ему требовалось пищи.

Его жизнь была однообразной: процеживание воды через огромную пасть в поисках водорослей и крохотных рачков и очень редкая охота на крупную дичь, которую он ловил пастью и с хрустом пережевывал.

Ковер светящихся в темноте водорослей, похожих на ламинарию (проще говоря – «морскую капусту»), мог обеспечить гиганта едой почти на сутки. Съеденная рыба, похожая на акулу, – на столько же.

Редкие погружения на глубину, где добычи было еще меньше, чем в приповерхностном слое, не давали ничего, кроме понимания, что там внизу есть и другие хищники, – без твердых костей, но со щупальцами и больно жалящи-

ми стрекалами. Иногда даже более крупные. Но тварь всегда успевала уйти наверх при их приближении, не рискуя сталкиваться с ними на их территории.

О том, что такое размножение, порожденная мутациями бесполоя химера даже не догадывалась. Люди ей тоже не встречались. Лишь один раз на заре юности ее добычей стал труп человека в гидрокостюме, зацепившийся за плавающий на поверхности купол парашюта.

Последние годы тварь обитала в этих водах, которые раньше считались экономической зоной России, и вроде бы никуда не собиралась уплывать. Охотское море, ставшее после затопления Японских островов чуть больше, давало ей достаточно пищи.

Но вот в один из дней, когда существо двигалось с севера на юг, в нескольких километрах от берега его чувствительные нейроны, отвечающие за обоняние, уловили изменение химического состава воды. Редуцированные лапы-плавники начали делать гребные движения, меняя направление, но только минут через пять огромная туша, преодолевая инерцию, выполнила разворот на пятьдесят-шестьдесят градусов. И только спустя полчаса подслеповатые глазки, расположенные по бокам вытянутой головы, увидели впереди округлый предмет тускло-зеленого цвета.

Облепленный водорослями и какими-то ракушками, предмет этот был похож на камень, но почему-то он не тонул, а плавал у самой поверхности воды.

Размышлять о свойствах материи существо было неспособно, поэтому со всей скоростью, какую оно могло развивать, бросилось к большому скоплению съедобных растений и моллюсков. А для него съедобным было все, что водилось и росло в океане.

И вот огромная морда ударилась о предмет, зубы клацнули по нему, сдирая кору из водорослей, но не удержали – металл только жалобно скрипнул. На секунду ободранная и ржавая поверхность объекта вынырнула из-под воды, как надувная игрушка. Тварь бросилась за ней, вытянув голову, как собака или, скорее, как тюлень за мячиком.

Взрыв прогремел в тот момент, когда до плавучего объекта левиафану оставалось проплыть метров десять. Если бы этот предмет взорвался совсем рядом, то просто разнес бы голову монстра в клочья. А так, «подарок» от людей – мина или неразорвавшаяся глубинная бомба – лишь нанес ему чувствительную рану, оглушив и порвав в куски один из плавников.

Поднялся фонтан воды, окрашенной кровью.

Тварь завывала и заревела так, что в радиусе десяти километров все живое под водой и над водой пробрал до костей леденящий страх, и начала биться и метаться, поднимая пену. Вокруг крутились водовороты и целые мальстремы, засасывая плавучий мусор, куски дерева и даже уродливую мелкую рыбешку.

Наконец, животное выбилось из сил и отдалось на волю

течения. Его масса сыграла с ним злую шутку. Оно не могло плыть, не прилагая усилий, так как было тяжелее воды. А сил ему хватало лишь на то, чтобы держаться на поверхности воды. У него не было жабр, и, хотя его легкие могли сберечь гигантский запас кислорода, всплывать для дыхания ему было необходимо. А течение тут было сильным. Оно неумолимо влекло левиафана на юго-восток, в сторону Курильских островов.

Тратя все силы на то, чтобы не утонуть, гигант не замечал, что его уносит все дальше, в квадрат моря, куда он сам еще никогда не заплывал, – не из-за того, что чувствовал исходящую оттуда угрозу. А потому, что океан там был еще бесплоднее и не мог обеспечить его кормом.

Так прошел один день и одна ночь. Если бы существо, похожее на доисторического ихтиозавра, было разумным, оно бы уже потеряло надежду и смирилось. Но оно было безмозглым и изо всех сил боролось за жизнь.

Утром туман рассеялся, из него выплыло что-то похожее на высокую стену. Это было кольцо из сцепившихся друг с другом кораблей. Их тут были сотни. Всех флагов и всех назначений. Любого водоизмещения. Торговые и военные. С мертвецами на борту и полностью пустые, как «Летучий Голландец». Наполовину ушедшие под воду и почти целые.

Течения в новом мире изменились, и в этом квадрате образовалось подобие Бермудского треугольника.

Но было одно судно, стоявшее чуть поодаль от осталь-

ных. Развороченный огромный контейнеровоз, выброшенный на выступающую из воды плоскую скалу еще раньше всех остальных. Под флагом Панамы, но с филиппинским экипажем (об этом можно было бы узнать из судового журнала, если бы кому-то пришло в голову туда заглянуть).

Тварь несло течением прямо на него. И чем ближе она подплывала, тем сильнее жгло ее кожу.

Море стало вдруг чистым, стерильным. Абсолютно прозрачным. Не было ни планктона, ни водорослей. Не было мелких хищных зубастых тварей и пучеглазых рыб, похожих на древних кистеперых латимерий. Над берегом не носились птицы-ящеры.

Ничто живое не могло выжить там, где вода была такая же радиоактивная, как в ядерном реакторе. Потому что внутри этого корабля, разорванного взрывом почти надвое, двадцать лет назад пробудилась злая сила, о которой маленький мозг чудовища не мог ничего знать.

С тех пор эта сила не засыпала ни на миг. И теперь невидимые частицы рвали и корежили плоть твари, пробивая в ней миллионы незаметных глазу дырочек.

Еще живого левиафана выбросило на мель неподалеку от корабля-призрака.

Он поднял голову с тревогой, хотя уже почти ослеп.

Свечение. Оно наполняло воздух. Каждую долю секунды здесь рождались новые частицы, почти как в коллайдере. А течения несли эту заразу дальше, в мировой океан, на юг и

на север.

Проведя всего час в этих водах, существо начало кровоточить, будто изрешеченное крохотными пулями. Его мозг и органы чувств затуманились, огромный желудок исторг из себя все, что там находилось. Шкура начала уже не светиться даже, а словно гореть, краснея и лопааясь.

Последним усилием монстр сорвался с мели, будто желая нырнуть в спасительную глубину. И в этот момент в его головном мозгу одновременно лопнули несколько сосудов – и создание забилося в агонии. А потом его двухсоттонная туша камнем пошла на дно. Туда, где ей быстро занялись обитатели морских глубин и бездонных впадин, никогда не видевшие солнца, питавшиеся только теплом от геотермальных источников. Они даже не подозревали, что наверху была жизнь и что с ней потом что-то случилось.

Корабль-призрак стоял неподвижно, будто вросший в скалу.

Панамский флаг давно не реял, изодранный ветром. Но название хорошо читалось на корпусе. Судно называлось «Урания». Но это было всего лишь имя музы-покровительницы астрономии.

Оно было не связано с тем, что когда-то в чреве корабля взорвалась бомба – не просто грязная, а очень грязная. Соб-

ственно, именно для нее корабль был сначала куплен, а потом переоборудован на секретной верфи.

Если корма была практически уничтожена взрывом (скорее всего внешним, как от попадания ракеты или авиабомбы), то нос почти не пострадал. Внутри, в крохотных, как на подводной лодке, каютах и коридорах лежали вповалку покойники. Невысокие, круглоголовые, коротко стриженные, в полувоенных спецовках и военных ботинках – совсем не похожие на раздолбаев-филиппинцев. Даже воротнички у них были отутюжены, а обувь – начищена. Когда-то.

Тела были не тронуты разложением. Никакие бактерии не живут в местах, подобных этому.

В кают-компании на стене висел целый ряд грамот и медалей «передовиков торгового флота».

На нижней палубе надписи на переборках, дверях и люках были на «хангыле». Кое-где висели плакаты, многие из которых были понятны только гражданам одной страны. В оружейных стойках хранились автоматы. В тщательно запертых шкафчиках – боевые уставы ВМФ и морской пехоты.

А на мостике генерал сухопутной армии в старомодном кителе откинулся на жестком стуле над раскрытой папкой с документами. Когда-то он был толст, но годы превратили его тело в мумию, рука которой так и застыла возле кобуры с пистолетом ТТ. Генералу повезло чуть больше: он успел перед смертью подумать не только о Партии и долге, но и вспомнить свою семью, оставленную в Пхеньяне. У него было не

три секунды до гибели «под лучом», а целых десять. Он, как и многие другие в те летние дни 2013 года, «просто выполнял приказ».

К середине дня туман сгустился снова, став ядовито-зеленым. И пока его погибший собрат из плоти и крови погружался на дно, железный левиафан стоял, как влитой, на безымянной скале в мертвом море у восточной оконечности Евразии.

Интерлюдия 6

Эксперимент, день шестой

Май 2013 г.

Яркая лампа над головой слепила глаза, как маленькое солнце. Тело было вялым, будто разваренным в кипятке. Ему дали что-то вроде реланиума – лошадиную дозу.

Гулкие голоса доносились словно откуда-то издалека, фигуры, нависшие над ним, казались искаженными, вытянутыми, большеголовыми, как пришельцы.

– Разве это микроскоп? У нас такого старья уже десять лет не было...

– Да, работаем по-дедовски. Тут тебе не Женева и не Мас-сачусетс. Но у доктора Менделя даже такого не имелось.

– Мендель был не доктор, а монах.

– Не умничай, салага. Готовь аппарат.

– Надеюсь, нам дадут за это Нобеля...

– Отставить Шнобеля. Будет «гриф» на пятьдесят лет и орден секретным приказом. Но если завтра война, миллионы солдат вспомнят нас добрым словом, когда умрут от лучевой болезни на десятый день, а не на второй.

Смешки. Перешептывания.

Над ним склонились двое в хирургических масках. Над

масками – закрытые защитными очками глаза. Оба в синих халатах, в резиновых перчатках. На одном – фартук, чем-то заляпанный, с темными, будто прожженными пятнами.

Провода опутывали туловище подопытного. Мерные щелчки приборов раздавались совсем рядом. Простыней его не накрыли, и было нестерпимо холодно. А еще чесался лоб. Но он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой – настолько прочно держали ремни.

Где-то вверху – закрепленная на штативе капельница с белесым раствором, похожим на молоко. Ярко горела, слепила проклятая лампа.

«Что? Что это? Что они со мной делают?»

– Мне, конечно, плевать на это мясо, – сказал кто-то, стоящий вне поля видимости. Голос звучал властно, как у человека, привыкшего отдавать приказы. – Но почему нет общего наркоза? Вон он глаза открыл, пялится.

– Лишняя морока, – ответил один из людей в масках – тот, что постарше. – Ну где тут поставить аппарат и анестезиолога? Сама процедура не очень болезненная. Реакция начнется примерно через неделю, после прохождения пороговой точки.

– У маргышек началось через трое суток, – говорящий вбивал слова, как гвозди.

– У них масса тела ниже. Маленько. Да вы не волнуйтесь, идите поспите.

– Очень хорошо. – Человек с властным голосом развер-

нулся на каблуках и, щелкнув замком двери, вышел в коридор. – Но смотрите у меня, не угробьте... добровольца.

Дверь за ним закрылась.

– Ну-с, приступим, коллега.

В этот момент страх, который лежащий мужчина до этого мига как-то сдерживал, прорвал плотину и затопил всю его психику.

– Не кричите, иначе поставим кляп, – обратился к нему с мягким упреком один из врачей-убийц. – Вы же сами согласились. Будете хорошо себя вести, наш куратор поможет вам...

– Не надо! А-а-а-а... Не на...

Он уже дергался и извивался всем телом, как змея или угорь, потому что увидел приближающуюся к его руке иглу. Рядом тихо жужжал моторчик какого-то прибора.

В этот момент ему заткнули рот резиновым кляпом. Руку сжали так, будто та попала в тиски. Игла с силой воткнулась в мышцу в районе бицепса. По трубке капельницы побежала жидкость. Мерно гудели приборы.

Боли и правда не было. Было забытье, в котором он падал, как в сорвавшемся лифте в небоскребе, на самое дно, под тихое пицание аппарата, на экране которого обозначался ломаной линией его сердечный ритм.

Глава 4

Вторник, вечер

Говорят: «уходя – уходи». Но куда уйти от человека, если вы с ним помещены в замкнутое пространство, как мышки в стеклянный аквариум?

Марина была явно не рада его видеть. Наморщила нос, поджала губы. На ней были синие джинсы, почти не застиранные, и обтягивающая черная водолазка. Время властно над каждым, но эта женщина сохранилась едва ли не лучше всех в поселке. Разве что лицо ее было чуть одутловатым и не такими густыми стали волосы.

«Опять ты? – говорил ее взгляд. – Да как ты посмел, после всего, что ты мне наговорил?»

Почему он в свое время прикипел к ней? Наверное, дело было в ее внешнем сходстве с... Даже волосы у нее были такие же. И манера откидывать их назад, чуть наклонив голову. И, конечно... общее несчастье. Но оказалось, что одной разделенной боли маловато для того, чтобы построить что-то похожее на счастье.

И хорошо, что они были не наедине. Присутствие Васьки как-то держало их обоих в рамках.

Катастрофа 2013-го года застала Ваську из Долгопрудного молодым пацаном. Он тогда был учащимся ПТУ... А мо-

жет, колледжа или техникума. Причем сам он этого скорее всего не помнил и говорил, что в первом учебном году больше «курил куришку и бухал бухашку», чем посещал занятия. Он был бабник, сквернослов и балбес. Нос картошкой, веснушчатое рябое лицо – теперь изрезанное морщинами, будто ему было не сорок, а шестьдесят. Марина Ваську терпеть не могла из-за его неинтеллигентной манеры вести себя. А еще потому, что он имел привычку распускать руки – щипать и щупать всех женщин, которых считал свободными и за которых не мог получить в глаз.

Но ей приходилось его терпеть, потому что этими же руками он умел налаживать любые механизмы. Да и, в отличие от того же Жигана, человек он был беззлобный и легкий, даже когда был пьян (он сливал откуда-то из автоцистерны на шоссе спирт высокой очистки).

А еще благодаря Ваське не возникло проблем с подключением экрана – такого, на котором можно было все рассмотреть подробно.

– Ни хрена себе, сказал я себе... – такими комментариями механик сопровождал просмотр диска. «Как раньше, в кино» – подумал Николай.

Кроме сцены на проспекте, больше на записи ничего интересного не было. Только полет над мертвой столицей, над бесконечным полем машин, обретших свою последнюю бесплатную стоянку. С прахом водителей внутри, получивших свою бесплатную кремацию. Судя по ровным рядам автомо-

билей, люди там погибли мгновенно. Иначе, даже объятые пламенем, машины бы врезались друг друга и вылетали с дороги, как бильярдные шары, – все эти «Форды», «Хёндаи» и «Гелендвагены». А так люди даже ничего не успели понять и наверняка закончили жизнь, проклиная мэра и пробки, и даже не подозревая о занесенной над ними длани Всевышнего.

– Етить твою налево... – произнес Василий, обгрызая ноготь. – Да скока же их там?

– Это еще относительно небольшая пробка. Совсем не «час пик». Когда какие-нибудь шишки с кортежем проезжают, пробки бывают и побольше, – ответил биолог.

Наконец они добрались до момента, где Николай увидел человека в ОЗК. Теперь, рассмотрев его лучше, они увидели, что тот идет, сгибаясь под тяжестью большого рюкзака. Через плечо у него был перекинут автомат – по виду «калашников».

Когда запись дошла до отметки, которую Малютин запомнил, он включил замедленный режим.

– Да в рот компот... – Вася аж заерзал на месте, глядя в экран вытаращенными глазами.

Оно явно было живое. Быстро перемещалось, словно прячась за автомобилями. И приближалось к человеку. А потом и это нечто, и человек в костюме химзащиты исчезли из поля видимости, потому что аппарат полетел дальше, безразличный к тому, что происходило внизу.

Марина смотрела молча, лишь лицо ее то бледнело, то на-

ливалось краской.

– Я так и знала, – наконец произнесла она. – То, что столица погибла... это своего рода секрет Полишинеля.

– Какого шинеля? – поднял брови Васька.

– Да и про другие города... я тоже не сомневалась, – проигнорировав его вопрос, продолжала она. – Мы очень многого не знаем о мире, в котором теперь живем. Сидим здесь, как хомяки, доедаем свои запасы...

– Но люди-то в Москве есть, – произнес Малютин.

– Люди? На сотню тысяч мертвых увидели одного живого. И прячутся, как мы. А на открытом месте без костюма не пройти. Хорошая жизнь...

– Другой нет.

– Может, где-то и есть. Но далеко. Знаешь, я видела птицу... – ее голос стал задумчивым. – В бинокль. Я в него иногда смотрю на Москву, когда нет облаков.

– Мне давно птицы не попадались. Даже обычные грачи и воробушки. Никитич подстрелил какую-то курицу – и уже радость. Какую еще птицу ты видела?

– Да уж не синюю птицу счастья и не аиста, приносящего детей... Но и не ворону, – произнесла женщина задумчиво. – Я хоть и школьницей была, когда конь бледный пришел, но хотела поступать на астрофизику... Смешно, да? Все отговаривали. Зачем, мол, бабе на звезды смотреть? Зато я знаю, что такое угловой размер. И как, исходя из него и расстояния, определить реальные размеры объекта. А если я скажу,

что у нее размах крыльев метров десять, ты не решишь, что я сумасшедшая?

– Я сейчас не удивлюсь даже Иисусу с эскортом ангелов. А тут какая-то птичка... – фыркнул биолог. – Может, это альбатрос. Или гриф. Из зоопарка.

– Ты все шутишь. А у меня есть другое объяснение.

Ему показалось, что она немного оттаяла. «Может, не все так безнадежно?» – подумал он и подсел поближе. И плевать ему было на то, что сволочь-механик криво усмехнулся.

– Понимаешь, она кричала, – продолжала Марина. – Меня пробирало прямо через кожу. Кричала она так, будто ей очень плохо. Будто она самое одинокое во всем мире существо... И будто она оплакивает Землю, и человечество, и нас.

– Да хватит уже. – Василий доел свою тушенку прямо из банки, но взять вторую не решился. – Достало нытье и депрессняк. Птица у нее кричала... А конь – бледный... Болел, что ли, он или накурился?

– Ну ты и придурок, Вася, – не выдержала завскладом. – Это из Иоанна Богослова.

– А тебе меньше пить надо. Ладно, давайте второй файл запустим.

Вторая запись оказалась совсем короткой. Погода там была хорошей, и ровный полет аппарата под серым небом не предвещал ничего стоящего внимания: все тот же мертвый ландшафт внизу, по цвету похожий на небо.

Запись включилась, когда беспилотник пролетал над жи-

лым районом, месторасположение которого Николай бы сразу не определил, – такие же типовые районы есть (или были) в каждом городе – от Калининграда до Владивостока: пятиэтажные «хрущевки», торговые павильончики, «девятки» и «Нивы» во дворах, детские площадки.

– Вакцина, – вдруг произнес Василий. – Ну точно она!

– Что? – хором переспросили Малютин с Мариной.

– Сергиев Посад-б. А по-простому – поселок «Вакцина».

Мой дядя там жил. Я там бывал, когда совсем шкетом был. Примерно в этих местах. Это, типа, военный городок, но туда, типа, автобус ходит.

Его даже никто не поправил. Говорить о явлениях прошлого в настоящем времени было у них делом обычным.

Между тем городской микрорайон на записи уступил место ровным рядам елей или сосен. Деревья были черные и голые, что подтверждало теорию Николая о том, что хвойные леса не имели шансов уцелеть вблизи от мест заражения. Он вспомнил знаменитый «ржавый лес» вокруг Чернобыля. Теперь такие были повсюду.

Аппарат сбросил скорость. Лесопосадки внизу закончились. Впереди в обе стороны от дороги, которая уперлась в пропускной пункт со шлагбаумом, тянулась железобетонная стена с колючей проволокой. Куда более основательная, чем вокруг их поселка.

Асфальтовая дорога за ней сменилась бетонной. Первым стояло здание, похожее на административное. На какой-ни-

будь горсовет. На нем был даже флагшток, но сам флаг отсутствовал. Остальные строения россыпью стояли поодаль: частью обшитые пластиком, а частью – из простого серого бетона. Голый конструктивизм и никаких архитектурных изысков в духе «сталинского ампира».

– Филиал НИИ Микробиологии Министерства обороны, – вдруг произнес Малютин.

– Чего?

– Да не «чего», а микробиологии. Тут его филиал, вирусологический центр. Там вакцину от эболы делали и от прочей дряни.

Облетев комплекс зданий по кругу и зависнув ненадолго возле каждого из них, беспилотник, похоже, отправился в обратный путь.

– Подожди! Останови! – крикнул вдруг Николай.

Женщина нажала на паузу. Но только отмотав немного назад, они увидели то, во что биолог сначала не поверил: на глинистой и мокрой после дождя земле чернела цепочка следов. Явно человеческих. Будто там прошли человек десять. Минут пять они сидели, не произнося ни слова. И даже когда Васька, оправдывая свое «кошачье» имя, попытался утянуть из ящика очередную банку тушенки (хотя свою норму на неделю уже получил), Марина рта не открыла, а только треснула ему по руке тыльной стороной ладони.

Он думал, что она не видит. Николай показал мастеру на все руки свой кулак – мол, ты не один такой умный.

– Никому об этом видео – ни слова, – наконец нашлась женщина. – Разве что Семенычу. Хотя ему расскажем завтра утром.

«Всегда бы она была такой сдержанной и разумной», – отметил про себя Малютин.

Остаток вечера обещал быть скучным. Василий пошел перебирать запасной генератор, который он наделся либо привести в чувство, либо разобрать на запчасти.

А сам Николай вызвался помочь заведующей перетащить на первый этаж пару коробок и ящичков. Она по-прежнему делала вид, что холодна, как айсберг, который напоролся на «Титаник», но биолог видел, что все не так безнадежно. Уж чего-чего, а женский род он знал. «Пожалуй, если ставить себе реальные цели, то можно добиться...» – подумал он.

Про то, что ему обещали «тушняк» за несение караульной службы и якобы как в подарок ко дню рождения, он пока не напоминал. «Успеется, – решил Николай. – Если снова втереться к ней в доверие, то можно получить больше, чем несколько банок.

Он перетащил три самые тяжелые коробки, когда внезапно раздался противный, режущий слух, звук электрического звонка.

– Что это? – Малютин мигом выбежал из подвального этажа.

– Сигнал тревоги. – Марина склонилась над пультом. – Такой звенит здесь, когда кто-то открывает снаружи ворота.

Жалко, что камер нет.

– Это могут быть только Колосковы. В Клубе тоже его слышали?

– Там я проводку разобрал, – вклинился в разговор Вася. – Сгнила.

– То есть, кроме нас, никто не в курсе? – быстро сориентировался биолог. – Мы ближе всего к выходу, мы и проверим. Давай, самоделкин, бери свою «Сайгу». Надеюсь, она заряжена у тебя.

Сам он подхватил стоящий в коридоре в специальной стойке карабин. Не забыли они взять и фонари, налобные. Без них снаружи нечего было делать даже вечером.

Одевшись, оба выбежали в шлюз. Дождавшись, когда Василий закроет внутреннюю гермодверь, Малютин повернул штурвал наружной.

На улице ощутимо похолодало. Снежная крупа падала на прозрачную крышу «трубы». Тусклый свет из окна склада почти не разгонял темноту, прорезая в ней лишь узкую дорожку. Остальной поселок был практически весь погружен во мрак.

Ближайшие ворота были в ста шагах отсюда. Снаружи их можно было открыть ключами, связку которых их группа нашла в поселке, когда несколько лет назад пришла сюда.

Стемнело еще не окончательно, и на фоне белесой стены хорошо выделялся прямоугольник распахнутой двери.

Но никого рядом не было.

– Да где же они? – Малютин был уверен, что это вернулись охотники.

– Гляди! – Василий указал в сторону стены, чуть левее ворот.

Там, прислонившись к бетону, сидел на земле человек в защитном костюме.

– Никитич, ты, что ли? – Малютин узнал его синий прорезиненный костюм, импортный, с какого-то химического производства. Больше ни у кого такого не было. – Никитич! Ты живой?

Костюм сидящего был заляпан, будто человек в нем полз по грязи. Именно поэтому они не сразу его заметили.

Дыхательная маска сбилась набок, рюкзака за спиной не было.

Старик поднял на них глаза. Только теперь биолог заметил широкую прореху в его защитной одежде, на боку. Блеснула в луче фонаря дорожка из капель крови на земле.

Он был жив и находился в сознании. Глаза его были открыты – страшные, отсутствующие. Зрачки расширены, как бывает от страха или шока, и на свет фонаря почти не реагировали. Кожа лица была землистой.

– Пошли! – встряхнул его биолог. – Обопрись на нас.

Похоже, на роду у него написано было быть нянькой для

всяких покалеченных. И это при том, что он чувствовал к ним жалости еще меньше, чем доктор Хаус из популярного когда-то сериала.

Старик послушно поднялся. Они подхватили его под мышки. Шел он так, как будто вот-вот упадет, подволакивая левую ногу. «Кто ж его так потрепал?» – нервно подумал Николай.

– А где Боря с Лёхой? – сдуру спросил Васька старика уже в «трубе». Сам Малютин собирался все расспросы отложить на потом. Сначала надо было убедиться, что жизни того ничего не угрожает. – Они идут?

– Нету их, – прошелестели слова, как сухие листья. – Пропали.

Больше старик ничего не сказал, и у Васи хватило ума не переспрашивать.

Марина их уже встречала. Она приготовила аптечку и даже освободила пылившуюся в подсобке койку. Пахло спиртом и йодом.

Дантиста, который был самым опытным из них во врачебном деле, позвали, но первую помощь она могла оказать сама.

– Кто это вас так? Звери? – спросила она, обрабатывая рваную рану и накладывая повязку.

– Не звери, – пробормотал охотник.

– Люди?! – хором переспросили они его.

– Не люди.

Ответ еще больше запутал их. А рана, как показалось Николаю, который и сам кое-что понимал в анатомии, была мало похожа на ножевую.

– Мы завалили ее, – внезапно заговорил старик, голос его на время обрел четкость. – Долго с сынками караулили... Хотел доказать, что не врем... Она не испугалась. Хотела спикировать на нас... Только три «семеры» в корпус и очередь в крылья ее угомонили... Фон правда у нее неслабый. Мы подбили ее возле Посада. Она в пикапе, возле кафе «У Арама». И пацаны где-то там остались. Я на секунду отвернулся – а их нет. Увидел что-то. Побежал... Себя не помню... мозги помутились. Очнулся уже здесь. Надо сходить за ними...

– Да что он несет? – не поверил Василий. – Кого они подстрелили? И что за пикап? Я работающей машины хрен знает сколько не видел...

Он не знал, что старый хрыч недавно отремонтировал «Тойоту»-пикап и она стояла в гараже примерно в километре отсюда – там, где была большая станция техобслуживания, при ней армянское кафе и небольшой магазинчик. А вот Малютин про это слышал.

– По мне, это на бред не похоже, – не согласился биолог. – Он просит сходить за его сыновьями, с которыми что-то случилось.

Длинная тирада, видимо, истощила силы Никитича, и, когда они снова посмотрели на него, пожилой охотник лежал

без движения. Только по слабому дыханию можно было понять, что он жив.

– Сознание потерял?

– Больше похоже на сон, если я хоть что-то понимаю, – Марина приподняла веко охотника и осветила фонариком. Тот забормотал бессвязные слова, но не очнулся. – Думаю, это связано с шоком. А ты как считаешь, Коля?

В другое время Малютин усмехнулся бы тому, что она так назвала его. Но в этот момент он боролся с внезапно подступившей дурнотой: вид кровавой раны сыграл свою роль. Паршиво она выглядела.

– Что-то мне нехорошо, – ни к кому конкретно не обращаясь, объявил он и побрел в санузел, где его чуть не вырвало. Держась за ржавую трубу, он почувствовал, как в глазах все расплывается.

«Не похоже на лучевую. Но плохой знак. Похоже, посадил на консервах желудок».

Когда он вернулся в хранилище на первом этаже, там уже была целая толпа – пять человек, не считая Марины. Все мужчины, и все, как один, здоровые, плечистые. Все эти ребята более-менее умели стрелять и были в поселке неофициальной милицией. Малютина они не любили, а он отвечал им взаимностью.

– Где дед? – услышал биолог знакомый голос со стороны коридора. – Какого черта у вас тут вообще творится сегодня?

И точно: Семеныч собственной персоной зашел в поме-

щение. Староста был в камуфляже (скорее, в форме охранника, чем военного) и при своей любимой кобуре, которую он иногда носил как символ власти. Следом вошел Максим Бураков, его помощник, с помповым ружьем в руках.

– Я ему в подсобке постелила, – отвечала кладовщица. – Завтра перенесем его в медпункт, но пока нельзя, нужен покой. Вроде лучше ему. Лев Тимурович сказал, что жить будет. Рана, конечно, грязная и рваная, но неглубокая... Остальное – ушибы, ссадины и сотрясение мозга. Похоже, от падения.

– Что за животные его подрали?

– Врач сказал, что на волков и собак не похоже.

– А сам он что говорил?

– Говорит: так и не понял, что это было. Мол, темно было. Но в пистолете у него всего два патрона. Похоже, в кого-то стрелял, хотя сам не помнит.

– Чепуха какая-то. Быть такого не может. И где Борис с Алексеем?

Ох уж этот Семеныч. Как и все люди его поколения, не признававшие Интернет, он считал мир простым и однозначным, не имеющим места для «небывальщины». Именно поэтому Малютин не стал излагать ему свои догадки. «Того и гляди смирительную рубашку наденут».

– Говорит, что они пропали уже тут, в двух шагах от поселка. Возле кафе, – ответила Марина на полтона тише. – Надо сходить за ними. Как бы чего не случилось...

– Ни за что, – отрезал Семеныч. – Только утром. Никто на ночь глядя из деревни не пойдёт!

Его мордovorоты молча покивали, косясь то на окно, то на шлюзовую дверь. Им было явно ссыкотно выходить за порог.

– Утром спасти будет некого, – произнес Малютин, и все повернулись к нему. – Если они еще живые. Или кровью истекут, или замерзнут, или дозу получают. Есть желающие пойти со мной?

Никто не заметил, как он минуту назад, проходя мимо стеллажа, опрокинул в себя из банки сто миллилитров спирта, предназначенного якобы для протирки микросхем, но который Василий явно приготовил для себя.

Николай почувствовал, что тоже хочет свои внутренние микрочипы.

– Никого не пуцу, – уже не так уверенно повторил староста, обводя взглядом остальных. Но поддержки не нашел. Люди были не против дать «психу» шанс.

Но никто не рвался в добровольцы. Наступила такая тишина, что слышно было бульканье воды в трубах и звук работы фильтровентиляционной камеры.

– Пошли, Васёк! – громко сказал Малютин. – Прогуляемся. Ты же мужик. Надо помогать ближним.

Механик посмотрел на него дикими глазами, как на самоубийцу. Даже попятился.

– Меня в это не впутывай. Все знают, что ты на голову ушибленный и ищешь смерти. Вот только даже она тебя не

берет.

Зато во взгляде Марины читалось: «Да ты просто герой!». В другое время биолог был бы этому рад, но сейчас просто отметил.

– Если живы. Приведу. Если нет... принесу то, что осталось.

Он повернулся к шлюзу и поправил несуществующую шляпу на голове.

Василий, так и не расстававшийся со своим ружьем, открыл ему гермодверь. И очень поспешно, с грохотом, запер за ним.

В самом начале, когда только стало можно выходить на поверхность, он сознательно искал встречи с Безносой старухой с косой в руках. Забирался на верхотуры – телевышки, заводские трубы, верхние этажи и крыши, – якобы для того, чтобы осмотреть окрестности. А на самом деле... В последний момент он всегда останавливался, будто натыкаясь на незримый барьер. Этот же барьер не давал ему даже просто поцарапать себе кожу ножом или бритвой.

Тогда Николай начал делать более дальние вылазки. Ходил так далеко, насколько это было возможно. Залазил в такие места, где, предположительно, был шанс наткнуться на других людей, – в супермаркеты, оружейные магазины, скла-

ды. Но ему не везло. Пару раз он натыкался на следы человека, но старые. А через пару месяцев это желание выгорело. Осталось только пустое любопытство, которому он иногда давал волю, чтобы прогнать уныние, подхлестнуть нервы и разогнать кровь.

Сейчас он шел в сторону кафе – в надежде отыскать сыновей Никитича.

Со стороны это, наверное, выглядело забавно: человек в непромокаемом плаще и респираторе идет в темноте по шоссе, вдоль полусгнивших березок, стоящих как палки в воде, обходя ржавые пустые машины, и напевает «Strangers in the night» Фрэнка Синатры.

– *Two lonely people we were strangers in the night... Exchanging glances...* – мурлыкал он песню о неожиданных встречах в ночи и вечной любви, понимая, насколько сильно фальшивит.

Фура-длинномер перегородила дорогу так, что ему пришлось сойти на обочину, заросшую высохшим кустарником. Под ногами хрустела корочка льда и хлюпала грязь.

Ему неприятно было обходить эту махину, потому что она загораживала обзор. И с обеих сторон к нему можно было подобраться почти вплотную, а он и не заметил бы...

Ружье подрагивало в руке. Адреналин зашкаливал в крови. В ушах стучали молоточки.

Машины, машины, машины. Здесь в них не было мерт-

вых. Все люди вылезли тогда, в день катастрофы, и ушли, чтобы найти последний приют в другом месте.

А вот и забор Станции техобслуживания. Надо же, как быстро он до нее добрался.

Он прошел мимо заправки, пнул ногой пустую канистру, которая загрохотала и покатила под уклон в овраг. Сделал он это нарочно: если кто-то там есть, двуногий или четвероногий, пусть выходит сейчас, а не сидит в засаде.

Но встречать его никто не вышел.

«Даже тут я никому не нужен, хе-хе».

Прошел мимо нескольких ремонтных боксов. Раньше здесь регулировали развал-схождение, меняли колеса, делали тюнинг. Один из этих боксов и использовали охотники.

Вот впереди показалось кафе.

Перевернутая шашлычница, разбитый уличный холодильник, где раньше стояли напитки. Реклама кока-колы. Ветер, терзающий остатки навеса. Разбросанные пластиковые стулья и битые стеклянные бутылки.

В свете фонаря мелькнула вывеска.

«У Арама. Шашлыки и шаурма. *Всегда из свежего мяса!*»

А вот и пикап. Машина стояла на выложенной плиткой площадке.

Биолог узнал бампер и мощные прожекторы на крыше.

Фирма «Никитич и сыновья» – до войны вообще не существовавшая, а потому незарегистрированная, – подвергла пикап интенсивной переделке. И поскольку нормального

бензина вокруг было днем с огнем не найти, они перевели двигатель на этанол. Теперь машина была таким же алкоголиком, как сам старик.

Фары не горели, но в салоне светился один тусклый огонек.

Дверцы были распахнуты. Рядом лежал измазанный кровью брезент.

А в кузове... Николай сначала принял это за тушу коровы, но, приглядевшись, он увидел...

Затаив дыхание и чувствуя, как от ужаса мороз по коже подирает, биолог смотрел на существо, которого просто не могло быть здесь в принципе.

На нашей планете такое создание могло существовать – ходить, летать или плавать – только в кайнозойскую эру. Огромный остекленевший глаз, казалось, следил за человеком. Кожистые крылья, в которых виднелись полные запекшейся крови пулевые отверстия, были сложены и смотаны металлическим тросом. Через борт свешивалась покрытая чешуйками лапа, которая была увенчана несколькими острыми когтями, как у гигантской курицы.

Борис и Алексей – ребята были не маленькие, но и втроем братья Колосковы не сдвинули бы с места эту тушу, не говоря уже о том, чтобы дотащить сюда, не будь у них машины с лебедкой в кузове.

Там, где у существа должна была находиться грудная клетка, виднелись голые ребра. Будто кто-то вырывал из нее

плоть целыми кусками. И второй лапы не было. Торчала только бедренная кость и пучки сухожилий.

Хотя шкура – Малютин не проверял, но готов был поспорить на свой обед, – была почти как у носорога.

Биолог увидел, что ручка дверцы пикапа вымазана кровью.

И тут оцепенение как рукой сняло.

По снегу от самого бампера шел след, будто кого-то или что-то волочили в сторону закуской Арама.

Со стороны кустов хрустнула ветка. Тихо, но отчетливо. В самом кафе что-то бумкнуло, будто кто-то тяжелый прыгнул на пол.

И тогда инстинкт наконец-то победил и взял под контроль тело, отобрав рычаги управления у неадекватного разума. Николай побежал с такой скоростью, как не бегал даже в восемнадцать, когда его отправляли от института на соревнования.

Разум словно помутился, а взгляд бесстрастно фиксировал творящееся вокруг. Малютин перепрыгнул через что-то, до боли похожее на цепочку следов, отчетливо проступающих на свежесвыпавшем снегу.

– Твою мать! Твою...

Он не заметил, как добежал до подъездной дороги, лавируя среди машин-статуй.

Десяток раз ему казалось, что он слышит позади себя тихие шуршащие шаги и чье-то тяжелое дыхание. Но невоз-

можно было это проверить, не остановившись.

А вот и «Мирный»: дорожный знак, говоривший о том, что здесь находится населенный пункт.

К стене он подбежал, уже выдыхаясь. Прыжком заскочил в ворота и понесся дальше. И только оказавшись внутри периметра, Николай заставил себя остановиться и пройти остаток пути шагом.

Его впустили на Склад по условному стуку и сразу же накинулись с расспросами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.